

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева»

Исторический факультет
кафедра Всеобщей истории

**Выпускная квалификационная работа
(диссертация магистра)**

**Персидский фактор в политической жизни греческих полисов второй
половины V – первой половины IV вв. до н.э.**

Работа допущена к защите

«» _____ 2015г.

Зав. кафедрой всеобщей истории

Работа защищена в ГАК

«__» _____ 2015г.

С оценкой _____

Председатель ГАК

Члены ГАК _____

Выполнил:

магистрант 26 группы
Ларин Артём Валерьевич

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
КГПУ им. В.П. Астафьева
Григорьев Дмитрий Владимирович

Рецензент:

Доктор культурологии, профессор
кафедры всеобщей истории
КГПУ им. В.П. Астафьева
Зберовский Андрей Викторович

**Заведующая кафедрой Всеобщей
истории:**

Кандидат исторических наук, доцент
Зберовская Елена Леонидовна

Красноярск - 2015

Содержание

Введение	3
Глава 1. Греко – персидские отношения во второй половине V века до н.э.	12
1.1. Каллиев мир: перспективы отношений	12
1.2. Эпиликов мирный договор.....	22
1.3. Договоры между Спартой и Персией.....	29
Глава 2. Персия и политические процессы в первой половине IV века до н.э.	42
2.1. Анталкидов мирный договор	42
2.2. Взаимоотношения Персии со Спартой и Афинами после подписания Анталкидова договора	53
Заключение.....	60
Список использованных источников и литературы	66

Введение

Актуальность исследования. Персидская держава Ахеменидов была могущественным восточным соседом многочисленных греческих полисов, как собственно Балканского полуострова, так и других частей Средиземноморского мира. Отношения с Персией на протяжении двухвекового периода оставались одним из важнейших и часто приоритетных направлений внешней политики для многих греческих полисов, в особенности же претендовавших на ведущую роль в Элладе - Спарты, Афин, Фив, Аргоса. Отношения с персами в указанный период, разумеется, не могли пройти бесследно для греков. Они оказывали существенное влияние на общественно-политическую жизнь греческих полисов, массовое сознание и идеологию греков, вызывая известный резонанс.

В современной историографии сложились две основные парадигмы исследования взаимоотношений греков и Ахеменидской Персии - с одной стороны, как продолжительной двухвековой конфронтации, с другой, - как взаимодействия. Причем, вполне очевидной является тенденция поиска нестандартных подходов к теме греко-персидских отношений, отхода от прежних устоявшихся стереотипов. Впрочем, следует со всей определенностью подчеркнуть, что эта тенденция фактически присуща современной исторической науке в целом и в этом случае изучение отношений греческого мира и Персии вполне соответствует этой отмеченной тенденции.

Далее, следует заметить, что при исследовании греко-персидских отношений необходимо по возможности избегать «крайностей» обеих парадигм: как абсолютизировать характер греко-персидского антагонизма, так и отрицать сам факт существования взаимной вражды (последняя, однако, была присуща далеко не всем греческим полисам, а только тем, которые выступили против персов в начале V в. до н.э., и среди них, прежде

всего, - Афинам и Спарте; но даже в позиции этих двух полисов к Персии наблюдаются некоторые различия, которые зависели от конкретной ситуации в Греции).

На сегодняшний день, историки продолжают вести споры на счет влияния «персидского фактора» на жизнь греческих полисов, поэтому данное исследование является актуальным, так как в нем мы попытались дать наиболее объективную оценку влияния Персидской державы на греческие полисы во второй половине V – первой половине IV вв. до н.э.

Историография проблемы. Греко-персидские отношения изучались в мировой историографии нового и новейшего времени далеко неравномерно. Беглый взгляд на историографию темы обнаружит, что различные аспекты греко-персидских отношений разрабатывались главным образом либо в обобщающих трудах по греческой или же персидской истории, либо же в отдельных статьях, порой довольно многочисленных, посвященных изучению той или иной частной проблемы. Специальных работ по истории греко-персидских отношений не так много. Первые такие работы появились еще в XIX - начале XX века, у истоков же специального изучения истории греко-персидских отношений стоял немецкий исследователь прошлого столетия В. Юдайх, который в своей монографии «Малоазийские исследования» рассматривал отдельные вопросы истории взаимоотношений греков и персов в IV в. до н.э. (предпосылки, ход и результаты спартано-персидской войны, греко-персидские отношения в период Коринфской войны, позиция греков по отношению к Великому восстанию сатрапов в Персидской державы и ряд других вопросов). Это исследование оставалась единственным обобщающим трудом по истории греко-персидских отношений заключительного периода их развития до появления несколько десятилетий назад монографии английского историка Д.М. Льюиса.

Работа Д.М. Льюиса стала новаторской для своего времени. В ней автор детально рассматривает события в непродолжительный период конца V - начала IV в. до н.э., когда ведущая роль в греко-персидских отношениях принадлежала именно взаимным дипломатическим контактам, и это обстоятельство позволило исследователю отойти от стереотипных представлений об этих отношениях как военной конфронтации. Д.М. Льюис стремится преодолеть традиционный «эллиноцентризм»¹ в источниках и историографии путем сравнительного анализа греческого и восточного материала.

Намеченный Д. Льюисом подход в изучении темы не получил всеобщей поддержки в современной историографии. Кроме того, и сама монография этого историка охватывает хронологически лишь небольшой период из истории взаимоотношений греческого мира и Ахеменидской державы.

Несколько лет назад другой известный английский антиковед Дж. Коуквелл опубликовал свою монографию «Греческие войны: неудача Персии», однако, несмотря на свое название, работа Дж. Коуквелла едва ли может претендовать на то, чтобы считаться обобщающим исследованием по истории греко-персидских отношений. Автор порой не предлагает своему читателю последовательного и связного изложения событий (как, например, это делали другие исследователи, в том числе и Д.М. Льюис), но сосредотачивается главным образом на ключевых и наиболее дискуссионных проблемах. И этот «недостаток» является продолжением достоинств книги, поскольку позволяет высветить те аспекты темы, которые в ином случае несомненно отошли бы на задний план и «утонули» бы в обилии материала. Книга охватывает историю взаимоотношений греческого мира и персидской державы Ахеменидов со второй половины VI в. до н.э. до времени

¹Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen. Cincinnati Classical Studies. №1. - Leiden, 1977. - P. 133.

Александра Македонского. Уже во введении Дж. Коуквелл формулирует свое видение этой далеко не однозначной темы. Так, становится понятно, что автор, как уже было замечено, следуя Д.М. Льюису, стремится в своем исследовании преодолеть традиционный эллиоцентризм, присущий большинству работ по истории греко-персидских отношений и рассматривать события по возможности под персидским углом зрения.

Кроме монографий Д.М. Льюиса и Дж. Коуквелла, других, на наш взгляд наиболее значимых работ по истории греко-персидских отношений,

к настоящему моменту не существует. Но обе эти работы, как уже было замечено, с трудом могут заполнить имеющуюся брешь в историографии. Среди обобщающих трудов по истории Греции следует назвать работы, созданные представителями историографии XIX- начала XX в. (Дж. Гротом, Эд. Мейером, К.Ю. Белохом, Г. Глотцем), а также произведения исследователей XX в. (Эд. Виля, Р. Сили, С. Хорнблауэра, П. Родса и др.) К этой же группе можно отнести исследования, посвященные отдельным, наиболее значимым событиям и явлениям греческой истории: Греко-персидским войнам, Афинскому морскому союзу, Пелопоннесской войне, Коринфской войне, в целом, событиям греческой истории IV в. до н.э., исторические комментарии к Геродоту, Фукидиду, Диодору Сицилийскому, Плутарху. Среди многочисленных работ, посвященных древнеперсидской истории, в которых отношения с греками по большей части рассматриваются под персидским углом зрения, следует отметить монографические исследования А. Олмстэда, Дж. Кука, В. Фогельзанга, П. Бриана, Й. Визехофера, статьи, посвященные различным персидским персоналиям в реальной энциклопедии Паули-Виссова-Кроля, материалы конференций по ахеменидской истории, которые на протяжении двух десятков лет публикуются Институтом Ближнего Востока.

В отечественной историографии греко-персидские отношения также

не становились темой специального исследования, за исключением работ Э.В. Рунга, который уделяет огромное внимание роли «персидского фактора»² в жизни греческих полисов в V – IV вв. до н.э. Среди его трудов стоит выделить такие как «Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI — IV вв. до н. э.» и ряд статей, освещающих понятие «персидского фактора». Другие авторы рассматривают лишь отдельные аспекты. Так, в частности, В.М. Строгоцкий рассматривал возникновение и структуру Панэллинской лиги, взаимоотношения Афинского морского союза и Персии в период пентеконтаэтии, уделив особенное внимание разбору античной традиции в отношении Каллиева мира³.

И.Е. Суриков в серии своих публикаций обращался к истокам афино-персидских отношений, исследовал также «персидский фактор» в общественно-политической жизни афинян в середине VI - начале V в. до н.э.⁴

Л.Г. Печатнова, в свою очередь, изучала эволюцию спартано-персидских отношений с момента их зарождения до конца V в. до н.э.⁵ О.В. Кулишова обращалась к истории дельфийско-персидских отношений⁶. Македоно-персидские отношения исследуются преимущественно в ряде работ А.С. Шофмана. Э.Д. Фролов и В.И. Исаева рассматривали идеологическую составляющую греко-персидских отношений⁷.

Наконец, М.А. Дандамаев в своем обобщающем труде по политической истории Персидской державы периодически обращался к событиям греко-персидских войн⁸.

²Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции. ВДИ. - 2005. - №3. - С. 14-35.

³В.М. Строгоцкий. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478 - 431 гг.). - СПб., 2008.

⁴И.Е. Суриков. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. — М., 2005.

⁵Л.Г. Печатнова. Спарта и Персия в конце V в. до н.э. Проблемы античной государственности. - Л., 1982. - С. 85-108.

⁶О.В. Кулишова. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII-V вв. до н.э.) - СПб., 2001.

⁷Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. - М., 1994.

⁸Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. - М., 1985.

В целом, можно сказать, что историография по данной проблеме представлена не так объемно. Не так много трудов, которые рассматривают «персидский фактор» в истории Греции систематически, выделяя эту тему отдельным исследованием.

Объектом исследования в данной работе выступают греко – персидские взаимоотношения во второй половине V – первой половине IV вв. до н. э.

Предметом исследования является влияние Персии на политическую жизнь Греции во второй половине V – первой половине IV вв. до н. э.

Целью диссертационной работы является определение роли персидского фактора в политической жизни греческих полисов во второй половине V – первой половины IV вв. до н.э. Для достижения цели предполагается решение следующих **основных задач**:

- обрисовать общую ситуацию, сложившуюся в греко-персидских отношениях к середине V в. до н.э.;
- выявить основные формы и способы влияния Персии на греческие полисы;
- выяснить, происходила ли эволюция форм и способов влияния Персии на греческие полисы;
- понять степень значимости Персии в жизни греческих полисов.

Методологическая основа работы. В качестве методологической основы данной работы признается принцип историзма - рассмотрение исторических событий, явлений и процессов в хронологическом развитии и во взаимной связи друг с другом. Из конкретных методов анализа материала применяются методы познания, такие как системный подход, историко-филологический метод, сравнительно - исторический метод и др. В ходе исследования темы при объяснении различных аспектов межгосударственных отношений в античности учитывались также

основополагающие принципы и категории теории политического реализма в международных отношениях, сформулированные Г. Моргентау и воспринятые его последователями (принципы борьбы за власть, имперской внешней политики, «равновесия сил» и др.).

Хронологические рамки исследования - 449-350 гг. до н.э. Они определяются, с одной стороны, окончанием греко-персидских войн, а с другой, возвышением Македонии как центра Эллады. С точки зрения географической, в процесс исследования вовлекается материал как греческих полисов Малой Азии, так и собственно государств Балканской Греции (Афины, Спарта, Фивы, Аргос, Фессалия, отношения которых с Персией представляется возможным проследить в тот период.

Источниковая база. Источники, используемые в данной работе, классифицируются по трем основным группам: литературные, документальные и нумизматические.

Литературные источники, используемые в данной работе, во-первых, классифицируются по жанрам: произведения древнегреческих историков (Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Диодора Сицилийского и др), речи греческих ораторов (Андокида, Исократа и других). Во-вторых, эти источники группируются также и по хронологии: свидетельства современников – греческих авторов середины VI - середины IV в. до н.э. (Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Исократа и др.); сочинения более поздних авторов эллинистического и римского периодов (Полибия, Диодора Сицилийского и других). Греко-персидские войны сыграли исключительно важную роль в осмыслении греками своего прошлого, в том числе, и взаимоотношений с Персией. С этого времени тема отношений с персами стала неотъемлемой частью произведений греческих историков, поэтов, драматургов.

Существование репрезентативного корпуса литературных источников преимущественно V в. до н.э. позволяет взглянуть на события Греко-персидских отношений глазами их современников, которые не могли

еще даже предвидеть своеобразный итог этих отношений - походы Александра

Македонского и крушение Персидской державы. Для этих авторов отношения с Персией - современная им реальность, и представляется возможным проследить эволюцию восприятия греками «мира персов и Персии» по мере изменения их политических отношений. В конце V-IV в. до н.э. в обращении греческих авторов к отношениям с Персией наблюдаются две тенденции: во-первых, продолжается процесс представления эллинами своего прошлого, и, прежде всего, Греко-персидских войн; во-вторых, в центре внимания греческих авторов оказываются современные им отношения с Персией, которые вновь становятся на повестке для после вступления персов в Пелопоннесскую войну на стороне Спарты. Эти два подхода причудливо перекликаются между собой. Таким образом, отношения с Персидской державой представляли собой такой сюжет, где скрещивалось прошлое и настоящее.

К документальным источникам относятся податные списки Афинского морского союза, которые позволяют получить представление о тех городах Малой Азии, которые были афинскими союзниками в V в. до н.э. Еще одним видом документальных источников, используемым в работе являются древнегреческие псефизмы, которые поясняют некоторые главы договоров между Персией и греческими полисами.

Нумизматический материал представлен выпусками монет, свидетельствующими о греко-персидских политических контактах. Здесь, прежде всего, необходимо назвать серебряные монеты с портретами персидских сатрапов Фарнабаза и Тиссаферна, которые русский нумизмат А. Зограф считает одними из первых греческих монет, содержащих портретные изображения. Кроме того, сохранилось также некоторое количество персидских имитаций афинских драхм, датируемых временем Пелопоннесской войны, на которых присутствуют портретные изображения персидского царя Дария II и его сына Кира Младшего: эти монеты были

выпущены специально для расчета с экипажами кораблей, находившихся под командованием спартанцев.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах по античной истории – в университете для подготовки к проведению лекционных и практических занятий по античной истории. Содержащийся в исследовании материал, результаты анализа, выводы и заключение могут представлять интерес для историков, занимающихся проблемами взаимоотношений Персии и Греции, влиянии «персидского фактора» на греческую историю.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части, заключения, списка источников и литературы. Основная часть разбита на две главы, которые в соответствии с задачами исследования рассматривают влияние Персии на греческую жизнь в период со второй половины V века до н.э. – первую половину VI века до н.э. В первой главе рассматриваются особенности отношений Персии с греческими полисами под влиянием Каллиева, Эпиликового и персидско-спартанских мирных договоров, которые установили тесный контакт между Персией и Грецией. Вторая глава рассматривает взаимоотношения Персии с двумя наиболее сильными полисами того времени – Афинами и Спартой – после заключения Анталкидова договора.

Глава 1. Греко – персидские отношения во второй половине V века до н.э.

1.1. Каллиев мир: перспективы отношений

Исследователи уже давно обратили внимание, что, несмотря на некоторые расхождения в изложении античными авторами условий договора, все они почти единодушно свидетельствуют об установлении афинянами для персов сухопутных и морских границ, и именно это может выступать как наиболее достоверное зерно в сообщаемых ими сведениях (если мы, конечно не считаем, по примеру некоторых современных гиперкритиков, что античные авторы занимались сознательным мифотворчеством и переписывали друг у друга условия Каллиева мира). При этом следует подчеркнуть, что упоминавшиеся границы никаким образом не затрагивали передвижения афинского войска и флота⁹. Сведения античных авторов дают не только сходную информацию, но и содержат некоторые противоречия, порой даже значительные, а также нередко дополняют друг друга. Так, например, Исократ считает, что персидские войска не могли продвигаться к западу от реки Галис, Демосфен и Плутарх устанавливают в качестве сухопутной границы расстояние в дневной пробег коня, Диодор говорит о трехдневном пешем переходе, а Аристодем - о трехдневном пешем переходе или дневном пробеге коня. Как мы видим, у этих авторов проявляются различия и в порядке расположения топонимов в тексте, и в других менее значительных деталях.

Исследователи уже давно предпринимали попытки объяснить причины этих расхождений в наших источниках. Еще Э. Уолкер замечал: «Если надпись содержала морские и сухопутные границы, как мы можем

⁹Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore; L., 1993. - P. 14-15.

объяснить такие разногласия в источниках?»¹⁰. Один из возможных ответов на этот вопрос давал К. Мьюризон, который доказывал, что условия мирного договора не были записаны на камне до середины IV столетия до н.э., так что ораторы имели свободу для импровизаций и «улучшений» более ранних трактовок. Однако, по мнению Р. Мейггза, Исократ «подразумевает, что условия мира V столетия до н.э. можно было прочитать уже в 380 г.»¹¹. Поэтому более вероятным можно признать объяснение Г. Уэйд-Гери: античные писатели при ссылке на договор сами выбирали достойные упоминания подробности, такие, «которые им понравились или какие они вспомнили»¹².

Вообще же, то, что все приводимые выше авторы ссылаются на одну и ту же надпись, представляется весьма очевидным и не требующим особого доказательства. Достаточно взглянуть на стандартный набор фраз и выражений в текстах приведенных выше источников, а также архаичный стиль, чтобы убедиться, что авторы передают подлинные статьи договора с Персией.

В отношении сухопутных границ требует пояснения упоминание Исократом реки Галис¹³. Оно отсутствует у других авторов, которые говорят о запрещении царю приближаться к побережью на расстояние дневного пробега коня или трехдневного пешего перехода. В последнем случае договор, видимо, учитывал расстояние от Эфеса до города Сарды, которое, как замечает Геродот¹⁴, как раз и составляло три дня пути. Э. Уолкер рассматривал границу по реке Галис ("Halys-line") как вариант «трехдневного пути». Однако Г. Уэйд-Гери высказывается против этого мнения. Исследователь полагает, что "Sardis-line" была восточной границей греческой автономии, а "Halys-line" - восточной границей демилитаризации. Ученый доказывает, что персидский царь согласился по договору не выступать к

¹⁰Walker E. M. The Peace of Callias. САН. - 1935. - Vol. 5 - P. 471.

¹¹Murison C.L. The Peace of Callias. Phoenix. - 1971. - Vol. 25. - № 1 - P. 12-31.

¹²Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972. - P. 598.

¹³Исократ. IV. 118; VII.80; XII. 59.

¹⁴Геродот. V. 54.

западу от реки Галис со своим сухопутным войском, которое составляли отборные персидские войска - 10000 «бессмертных». «Согласившись на это, - замечает исследователь, - Персидская империя преобразовалась из нападающей стороны в обороняющуюся, живущую на договорных условиях со своими соседями». Что касается "Sardis-line", то здесь Г. Уэйд-Гери указывает, что эту границу не должны были переходить войска персидских сатрапов из отрядов местных народов Малой Азии¹⁵. Р. Сили, однако, верно подметил слабые стороны теории Уэйд-Гери. По его мнению, трудно поверить, что персы согласились не располагать свои войска где-либо к западу от реки Галис, а кроме того, большинство античных авторы называют именно "Sardis-line" как границу, за которую персы не должны были посылать свои войска (сам он не комментирует высказывание о реке Галис)¹⁶. К сожалению, эти критические замечания Р. Сили не были восприняты в историографии, и в работе Э. Бэдиана налицо полное принятие точки зрения Г. Уэйд-Гери¹⁷. В.М. Строецкий считает упоминание Исократом реки Галис сильным преувеличением, стремлением выдать желаемое за действительное при сравнении Каллиева мира с Анталкидовым миром, поскольку река Галис с древних времен считалась границей, отделяющий Запад от Востока¹⁸. В этом своем мнении историк следует некоторым западным исследователям, например У. Томпсону. Последний также считает, что «Галис, конечно, - сильное преувеличение, но типичное для Исократа, который говорит в своем "Панегирике", что Агесилай завоевал почти всю землю вплоть до Галиса». Причину же этого преувеличения У. Томпсон видит в отсутствии у Исократа реального понятия о географии Малой Азии и верных представлений о значении дневного пробега коня¹⁹.

¹⁵Wade-Gery H. T. *Essays in Greek History*. - Oxford, 1958. - P. 214-216.

¹⁶Sealey R. *The Peace of Callias once More*. *Historia*. - 1954-1955. - Bd. 3. - Ht. 3. - P. 331.

¹⁷Badian E. *From Plataea to Potidaea*. - P. 52-53.

¹⁸Строецкий В.М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза. ВДИ. - 1991. - №2. - С. 164.

¹⁹Thompson W. E. *The Peace of Callias in the Fourth Century BC*. *Historia*. - 1981. - Bd. 30. - Ht. 2. - P. 177.

Надо думать, что вышеназванные исследователи не идут против истины, и пункта о реке Галис действительно не было в тексте договора, коль скоро об этом не сообщается больше ни в одном из наших источников. Все же следует признать, что упоминанием реки Галис, как это замечал уже Э. Уолкер, Исократ, скорее всего, пытался впечатлить своего читателя простым переложением на иной лад статьи договора о трехдневном пешем переходе или одном пробеге коня. Нельзя признать удачными дальнейшие попытки В.М. Строецкого доказать, что «во время переговоров между афинянами и персами не были установлены конкретные сухопутные границы, разделяющие владения эллинов и варваров»²⁰. Автор не приводит фактически никакой значимой аргументации, кроме общего указания на активность персов после Каллиева мира на малоазийском побережье и на близлежащих островах.

Очевидно, установление афинянами сухопутных границ было направлено на то, чтобы решительным образом устранить персидскую угрозу малоазийским городам, которые были податными членами Афинского морского союза, причем не только греческим, но и варварским. Обращение

к спискам обложения подати V в. до н.э. показывает присутствие в числе афинских союзников значительного количества негреческих городов и общин, включенных в Геллеспонтский, Ионийский и Карийский податные округа²¹. Однако в связи с этим возникает другой вопрос: определял ли договор точный статус греческих городов Малой Азии. Ликург первым из всех названных авторов в своей речи «Против Леократа» (332 г. до н.э.) заявлял о провозглашении в договоре автономии грекам, проживающим не только в Европе, но и в Азии. Это же обстоятельство подчеркивал Эфор, как можно судить по данным Диодора, который передает соответствующую

²⁰Строецкий В.М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза. - С. 165.

²¹Членами I Афинского морского союза были также карийский династ Тимн из Термеры, Пактий из Идимы, Пикр из Сингалы и Самбактис (Berve H. Die Tyrannenbeiden Griechen. - Munchen, 1967. - Bd. 2. - P. 590).

статью договора «быть всем греческим городам в Азии автономными»²². Исследователи крайне неоднозначно отнеслись к сведениям указанных авторов. Так, Г. Уэйд-Гери доказывал, что статья об автономии малоазийских греков действительно присутствовала в договоре Каллиева мира²³. Э. Бэдиан также склонялся к указанной точке зрения²⁴. Однако нередко признается и то, что названная статья в применении к Каллиеву миру представляет собой анахронизм - собственные суждения афинских ораторов и историков более позднего времени, навеянные дискуссией об автономии малоазийских греков IV в. до н.э. Более верной представляется именно эта последняя точка зрения, выраженная, в частности, в совместной статье Р. Сиджера и К. Таллина, которая посвящена возникновению и использованию в политике лозунга свободы малоазийских греков. Во-первых, введенная в текст соглашения Каллиева мира исключительно важная для афинян и их союзников статья о сухопутных границах не должна была требовать дальнейшей конкретизации и уточнения в отношении статуса малоазийских греков (которой названная статья *a priori* уже касалась). Во-вторых, ораторы и историки IV в. до н.э., которые были склонны сравнивать условия Каллиева мира с условиями Анталкидова мира, могли предполагать, что, поскольку последний договор лишал малоазийских греков автономии, то первый несомненно должен был утверждать ее. Особенно показательным в этом смысле следующее замечание Диодора, почерпнутое, вероятно, также у Эфора: «Персы имели с греками два договора, один с афинянами и их союзниками, в котором греческие города Азии были автономными, другой позднее записан с лакедемонянами, где было предписано быть подчиненными персам греческим городам Азии»²⁵. Но почему же об этом условии ничего не говорит Исократ, который, особенно в «Панегирике», собственно и сравнивает два соглашения, противопоставляя один другому? Ведь упоминание о такой статье, если бы

²²Диодор Сицилийский. XII. 4, 5.

²³Wade-Gery. H. T. Essays in Greek History. - P. 212-213.

²⁴Badian E. From Plataea to Potidaea. - P. 51, 55.

²⁵Диодор Сицилийский. XII. 26, 2.

она существовала, должно было значительно усилить аргументацию афинского оратора. Ответ может заключаться в том, что Исократ видел условия договора, высеченные на стеле, и они не содержали условия об автономии малоазийских греков. Эфор и оратор Ликург при рассказе о Каллиевом мире могли пользоваться не во всем проверенной информацией, которая возникла из некорректной интерпретации условия об установлении афинянами сухопутных границ.

С этой проблемой связан также вопрос о том, продолжали ли персы собирать подать с городов, расположенных в зоне трехдневного пешего перехода. Не может быть особых сомнений, что персидские власти даже после заключения соглашения все еще претендовали на сбор подати. В пользу этого свидетельствуют несколько хорошо известных прямых ссылок в источниках. Во-первых, Геродот, рассказывая об обложении податью греческих городов Малой Азии сатрапом Артаферном после подавления Ионийского восстания в 494 г. до н.э., заявляет, что эту подать города выплачивают вплоть до его времени, т.е. по крайней мере до 425 г. до н.э.²⁶. Во-вторых, Фукидид сообщает о том, что в 413 г. до н.э. царь Дарий II потребовал со своих сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза подать с греческих городов их сатрапий, которые они не имели возможности собирать из-за противодействия афинян²⁷. В-третьих, Исократ упоминает о том, что афиняне устанавливали размеры некоторых податей, однако, контекст этого сообщения наименее понятен²⁸. Обычно заявление Исократа интерпретируют как то, что афиняне разрешили персам продолжать сбор дани с некоторых греческих городов Малой Азии. Г. Уэйд-Гери, как уже было замечено, доказывал, что Каллиев мир устанавливал автономию греческих городов Малой Азии, но с тем условием, чтобы они продолжали платить традиционную подать Великому царю Персии (собственно говоря, такими были условия мира, переданные персидской стороной спартанскому царю

²⁶Геродот. VI. 42, 2.

²⁷Фукидид. VIII. 5, 5; 6, 1.

²⁸Исократ. IV. 120.

Агесилаю в 395 г. до н.э. после его победы над войсками сатрапа Тиссаферна при Сардах²⁹. В правомерности такого заключения усомнился уже А. Гомм, указывая на трудности в понимании заявления Исократа³⁰. М. Кэри в своем отклике на интерпретацию Г. Уэйд-Гери вопроса о податях обращает внимание на тот факт, что если бы все обстояло таким образом, как полагает этот исследователь, то греческие города Малой Азии оказались бы в результате обложены двойной податью: в пользу Персии и в пользу Афин (поскольку эти же города после Каллиева мира оставались в составе Афинского морского союза). Однако, как считает М. Кэри, это не находит параллелей в греческой истории и потому выглядит совершенно невероятно. Далее, этот автор приводит доводы в пользу того, что обстоятельства заключения Каллиева мира с Персией не объясняют необходимость появления статьи договора, разрешающей персам собирать дань с «освобожденных» городов Малой Азии, а также доказывает, что свидетельства Геродота, Фукидида и Исократа не поддерживают мнение Г. Уэйд-Гери. В итоге М. Кэри приходит к выводу, что упоминавшиеся в источниках притязания персов на сбор подати на самом деле не имеют законного основания, но отражают произвол со стороны персидской администрации³¹. О. Мюррэй, основываясь на соображениях А. Гомма, полностью опровергает мнение о существовании в договоре Каллиева статьи мира о разрешении царю собирать подати. Наконец, Э. Бэдиан предполагал, что персидский царь согласился оставить размер подати с греческих городов, над которыми он сохранял контроль, без изменений, вероятно, в объеме, установленном Артаферном³². Таким образом, мы не можем быть уверены в том, что именно Исократ хотел сказать своему читателю в «Панегирике» и наличие в договоре Каллиева мира условий о сборе подати остается, таким образом, недоказанным.

²⁹Wade-Gery H. T. *Essays in Greek History*. - P. 212-213.

³⁰Gomme A. W. *Athenian Notes*. *AJPh.* - 1944. - Vol. 65. - №4. - P. 334.

³¹Cary M. *The Peace of Callias*. 1945. Vol. 39. № 3/4. P. 87-91.

³²Badian E. *From Plataea to Potidaea*. - P. 50-51.

Неоднозначные суждения вызывает интерпретация современными исследованиями топонимов, названных античными авторами, упоминающими о морских границах. Во-первых, не ясно, почему договор называл одновременно несколько ориентиров, а не один, западнее которого не должны были бы плавать персидские боевые корабли. И если локализация Фаселиды и Хелидонских островов не вызывает особых затруднений, то этого нельзя сказать о так называемых Кианеях, которые упоминают все авторы, кроме Исократ. В подавляющем большинстве случаев в источниках под Кианеями значатся двенадцать скал, расположенных у входа в пролив Босфор Фракийский, и именно они, как часто считают исследователи, подразумеваются в Каллиевом мире³³. Если принимать такую интерпретацию, то получается, что договор очерчивал запретную зону для персидских боевых кораблей, ограничиваемую Кианеями с севера, а Фаселидой и Хелидонами - с юга. В античной письменной традиции часто проявляется склонность воспринимать Кианейские скалы в качестве своего рода географического ориентира, что предполагает возможность аналогичной их трактовки в договоре Каллиева мира. Однако далеко не все современные историки принимают такую интерпретацию. Ведь известно также о существовании города Кианеи, расположенного на побережье Ликии, в относительной близости от других мест, которые упоминает договор. Именно этот город Г. Уэйд-Гери считал «самым южным пунктом»³⁴. С этим мнением соглашается также Р. Сили, который, однако, стремился обосновать свою позицию. Так, исследователь считает, что «поскольку два других места, упоминаемые как морские границы были расположены на юго-востоке, то соблазнительно считать Кианеи третьим местом там»³⁵. С другой стороны, Р. Сили признает, что Кианеи в Ликии не были важным городом, морской гаванью, а располагались на расстоянии нескольких километров от

³³Строгецкий В.М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза. - С. 165.

³⁴Wade-Gery H.T. Essays in Greek History. - P. 213.

³⁵Sealey R. The Peace of Kallias once More. *Historia*. - 1954-1955. - Bd. 3. - Hft. 3. - P. 330.

побережья и находились на вершине холма. Кроме того, ликийские Кианеи упоминаются только в некоторых надписях римского времени. Сведения о них полностью отсутствуют у античных писателей, которые хорошо осведомлены только о Кианеях - о знаменитых Кианейских скалах. Поэтому, с большей долей вероятности, именно они могли быть тем самым ориентиром, который назван в договоре Каллиева мира.

Наконец, Аристомед называет еще один ориентир в качестве «границы», за которую не должны были заплывать персидские боевые корабли - это река Нессос, под которой очевидно следует видеть реку во Фракии, известную еще как Нестос, которая впадает в Эгейское море. Об установлении «границ» для движения персидского флота и войска могут говорить несколько косвенных свидетельств в античных источниках. Во время Самосской войны 441-440 гг. до н.э. финикийский флот, несмотря на упорно ходившие слухи, так и не появился в Эгейском море, чтобы оказать помощь восставшим против Афин самосцам (хотя их и поддержал Писсуфн, сатрап Сард). Другой пример актуальности статей договора - обсуждение на афино-персидских переговорах 411 г. до н.э. вопроса о разрешении персидскому царю вводить боевые корабли в Эгейское море. Третий пример - нежелание Тиссаферна, сатрапа Сард, провести далее Фаселиды на помощь Спарте финикийский флот, которое может объясняться, возможно, перспективами достижения успеха на переговорах с Афинами в 411 г. до н.э. (по инициативе и при посредничестве Алкивиада).

Каллиев мир был договором между Афинами (и их союзниками), и персидским царем (и сатрапами). Возможно, правы те современные исследователи, которые отмечали, что Спарта и члены Пелопоннесского союза «формально» находились в войне с Персией вплоть до 412 г. до н.э., до времени заключения спартано-персидских союзных договоров. В связи с проблемой исторического значения Каллиева мира также возникает вопрос: был ли этот договор эпохальным событием, ознаменовавшим победу афинян в войне с Персией, или же он должен восприниматься как некая

вынужденная мера со стороны афинян, и, таким образом, не может претендовать на то, чтобы быть «прославленным» событием в истории Афин и Греции?

Г. Уэйд-Гери считал Каллиев мир прославленным событием (*glorious*), определившим развитие греческой цивилизации на века³⁶. Иногомнения придерживается Дж. Кокуэлл: «Правдой было то, что Каллиев мир не был провозглашением прославленной победы (*glorious victory*), но был составлен на основе *status quo*»³⁷. На наш взгляд, договор все же знаменует афинскую победу над Персией, и условие о ненападении афинян на территорию царя, упомянутое Диодором³⁸, было минимальной компенсацией за достигнутые успехи, главным из которых было устранение персидского военного присутствия в восточной Эгеиде, и прежде всего, на малоазийском побережье и островах. После заключения Каллиева мира и до Пелопоннесской войны в Восточном Средиземноморье установился относительный мир, характеризовавшийся сохранением политического равновесия между ведущими полисами Греции, с одной стороны, и между греками и Персией, с другой.

В историографии существует несколько принципиальных подходов к рассмотрению греко-персидских взаимоотношений после заключения Каллиева мира. Так, по мнению А. Олмстеда, уже вскоре после Каллиева мира возобновляется афино-персидская война, однако уже в меньшем масштабе³⁹. С.К. Эдди, однако, на наш взгляд, вполне точно употребил применительно к взаимоотношениям Афин и Персии после 449 г. до н.э. определение «холодная война». Он писал: «Не было больших операций флота, насчитывавшего сотни кораблей, как происходило в прошлом. Вместо этого, в течение более тридцати лет была разновидность холодной войны между двумя державами, ситуация неопределенной опасности, рейдов,

³⁶Wade-Gery H.T. *Essays in Greek History* P. 226, 231.

³⁷Cawkwell G.L. *The Peace between Athens and Persia*. Phoenix. - 1997. - Vol. 51. - № 2. - P. 125.

³⁸Диодор Сицилийский. XII. 4, 6.

³⁹Olmstead A.T. *The History of the Persian Empire (Achaemenid Period)*. - Chicago, 1948. - P. 343.

незначительных успехов, противодействий, посольств и угроз»⁴⁰. Выражение «холодная война» принимают для характеристики афино-персидских отношений после Каллиева мира. Таким образом, исследователи расходятся по вопросу о точном соблюдении сторонами заключенного мирного договора. Нам представляется несомненным, что военное превосходство афинян в Эгеиде вынуждало персидского царя и сатрапов в последующий период уклоняться от каких-либо крупных столкновений с афинянами; однако обеим сторонам не удавалось избегать кризисов и осложнений во взаимоотношениях, которые в перспективе могли бы привести к возобновлению нового конфликта.

Каллиев мир знаменовал собою окончание целого периода в истории греко-персидских отношений и предопределил все дальнейшее развитие отношений между Персией и греческими полисами вплоть до Пелопоннесской войны.

1.2. Эпиликов мирный договор

Пелопоннесская война была столь значимым событием в истории греческих межполисных отношений, что затронула большинство греческих государств (собственно Греции, островов Эгеиды и Малой Азии), разделив их на сторонников Спарты и союзников Афин. Характеризуя состояние противников накануне войны, Фукидид отмечает намерение спартанцев и афинян отправить свои посольства к персидскому царю и заручиться его поддержкой⁴¹. В первые годы войны между Афинами и Персией сохранялись мирные отношения, соблюдение которых гарантировало военное могущество Афинской державы, основанное на финансовом процветании Афин и военном потенциале полиса. Однако по мере того, как война истощала ресурсы афинян, они все более и более ориентируются на Персию⁴². О

⁴⁰Eddy S.K. The Cold War between Athens and Persia. CPh. - 1973. - Vol. 68. - № 3 - P. 241.

⁴¹Фукидид. II, 7, 1.

⁴²Holladay A. J. Athenian Strategy in the Archidamian War. Historia. - 1978. - Bd. 27. - Ht. 3. - P. 399-427.

политической борьбе в Афинах по вопросу отношений с державой Ахеменидов в первое десятилетие Пелопоннесской войны практически ничего не известно. С учетом дальнейшего хода событий можно предположить, что в самом начале войны сохранению стабильных отношений с Персидской державой афиняне были во многом обязаны также господством политического курса Перикла, который состоял в укреплении афинского влияния в Греции, даже ценой конфронтации со Спартой, при сохранении мирных отношений с Персией. После смерти Перикла в этом курсе не произошло существенных изменений. Даже более того: афинские политики, прежде связанные с Периклом используя в своих интересах некоторое влияние среди демоса, в 420-е гг. до н.э. нацеливаются на дальнейшее укрепление политических отношений с персами. Их аргументы могли состоять в том, что они доказывали в народном собрании и буле необходимость дальнейшего укрепления отношений с персами. Они могли утверждать, что, так как война истощала ресурсы афинян и над самим существованием Афинского союза нависла угроза, афинянам становится крайне выгодно не столько сохранить мир с Персией, но и попытаться установить союзнические отношения. Отражением этой политики и стал Эпиликов мирный договор, рассматриваемый в данном разделе.

Многие исследователи видели в Эпиликовом мирном договоре возобновление условий Каллиева мира, поскольку, действительно, смена правителей в Персии делала просто необходимым заручиться какими-либо гарантиями на счет соблюдения персидской стороной прежнего соглашения, или по крайней мере, прояснить намерения нового Великого царя Персии (что могло сделать только афинское посольство), и в условиях Пелопоннесской войны замедление с этим было бы крайне недопустимым. Однако было ли это возобновление дословным, как то считают Г. Уэйд-Герий некоторые другие исследователи? Представляются интересными взгляды А. Бламайера. Во-первых, исследователь полностью опровергает точку зрения о возобновлении Эпиликовым договором условий Каллиева мира (что, на наш

взгляд, также неправомерно); во-вторых, он обращает внимание на различия в исторической ситуации в тот момент, когда был заключен Каллиев мир, и в период Пелопоннесской войны⁴³. К последнему мнению следует отнестись серьезно. Историк указывает, что прежний мир, завершивший состояние войны между Афинами и Персией, не мог устраивать Афины теперь, когда в Греции полным ходом шла Пелопоннесская война. Он не содержал никаких условий, которые препятствовали бы Спарте и Персии вести взаимные переговоры, направленные на заключение антиафинского союза в период Архидамовой войны. О попытках вести такие переговоры свидетельствуют данные источников относительно посольства спартанцев и их союзников в Персию летом 430 г. до н. э. и сообщение Фукидида о поездке Артаферна в Спарту⁴⁴. Таким образом, афиняне могли опасаться возникновения конфликта с персами в неблагоприятных для себя политических условиях⁴⁵. Их государство было истощено после эпидемии. С начала войны территория Аттики периодически опустошалась спартанскими войсками под руководством царя Архидама. Вероятно, и Дарий II в первые годы своего царствования также должен был быть всецело поглощен своими внутренними проблемами (в тот период его заботило главным образом укрепление собственной власти и подавление восстаний в сатрапиях) и, следовательно, также должен был стремиться заручиться миром с Афинами, которые могли оказывать реальное противодействие его политике в Малой Азии⁴⁶. Отправляясь ко двору царя, афиняне стремились доказать персам, что им предпочтительнее оказывать помощь Афинам, а не Спарте, и прекратить дипломатические контакты с последней. Так что причины заключения договора состояли в сочетании различных по своей природе факторов, от чисто формальной процедуры, такой, как возобновление прежнего

⁴³Blamire A. Epilycus negotiations with Persia. Phoenix. - 1975. - Vol. 29. - № 1. - P. 22.

⁴⁴Фукидид. IV. 50, 2.

⁴⁵Hegy D. Athen und die Achaemeniden. Oikumene. - 1983. - Bd. 4. - P. 58.

⁴⁶Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W.Bradeen. - P. 77.

соглашения, до требований военно-политического союза в период Пелопоннесской войны.

Можно только предполагать, какие персидские сатрапы в Малой Азии оказывали помощь афинянам в переговорах с Дарием II, но в том, что афинские послы должны были воспользоваться посредническими услугами хотя бы одного из них, не может быть сомнения (об этом свидетельствует весь предшествующий опыт греко-персидских дипломатических отношений). Из двух возможных кандидатур, Фарнака и Писсуфна, с большим основанием следует выбрать последнюю. Фарнак, как мы знаем, в тот период занимал сторону Спарты, о чем явно свидетельствует тот факт, что он должен был оказать помощь спартанским послам к царю в 430 г. до н.э. Даже в 422 г. до н.э. он все еще проявлял свое враждебное отношение к Афинам, оказав покровительство жителям Делоса (сатрап предоставил им г. Адрамиттий), которые были выселены афинянами со своего родного острова. Напротив, Писсуфн, который начинал свою деятельность как открытый враг Афин (достаточно вспомнить его позицию во время Самосского восстания в 440 г. до н.э. или участие его отрядов в захвате Колофона десять лет спустя), мог изменить свою позицию незадолго до своего открытого мятежа (не исключено, под воздействием каких-то личных причин). Писсуфн мог возвратить афинянам Колофон до 425 г. до н.э., когда этот город вновь значится в афинских податных списках⁴⁷. Кроме того, когда афиняне намеревались зимой 425/4 г. до н.э. совершить поездку в Персию через Эфес они уже должны были полагаться на посредническую помощь сатрапа Писсуфна, у которого во время его мятежа против Дария II афинянин состоял командиром наемников. Наконец, уже упоминалась помощь Афин Аморгу, сыну Писсуфна. И хотя фактических данных недостаточно, чтобы уверенно проследить характер отношений Афин и сатрапа Сард в 420-е гг. до н.э., можно предположить, что Писсуфн принимался во внимание афинянами при организации посольства Эпилика - так же, как, по сообщению Аристофана

⁴⁷Descat R. Colophon. ErolAtalay Memorial. Ed.by H. Malay. - Izmir, 1990. - P. 33-40.

афиняне находились в контакте с Фарнаком, сыном Фарнабаза, сатрапом Даскилия, в 414 г. до н.э.

Некоторое представление об условиях Эпиликова договора дает краткое замечание Андокида о том, что афиняне с Великим царем заключили договор и установили дружбу на вечные времена⁴⁸. А. Бламайер следующим образом комментирует условия договора: «...договорозначал по крайней мере взаимную декларацию ненападения, что ни одна сторона не будет каким бы то ни было образом оказывать помощь врагам другой»⁴⁹. В истории афинской внешней политики в V в. до н.э. весьма часты примеры включения в тексты межгосударственных соглашений условия о дружбе. В провозглашении вечной дружбы афинян и Дария некоторые исследователи (У. Томпсон, А. Бламайер и Д. Льюис) видят новые черты договора, отличающие его от Каллиева мира.

Каковы причины включения пункта о «вечной дружбе», противоречащей традиционной со времени греко-персидских войн антиперсидской ориентации Афин?⁵⁰ Какие же факторы заставили афинян пересмотреть свою политику на Востоке провозглашением «дружбы» с Персией? Можно высказать предположение, что обе стороны (но, прежде всего, афиняне) надеялись на дальнейшее развитие взаимовыгодных отношений. Хотя конечно, речь не могла идти об афино-персидской симмахии: Эпиликов договор едва ли был открыто направлен против Спарты. Тем не менее, афиняне могли потребовать от персидского царя не вступать в переговоры с лакедемонянами и не оказывать помощь Спарте. В свою очередь, они могли обязаться не поддерживать восставших против него сатрапов. Другие условия Эпиликова договора, более подробно определяющие принципы, на которых строились взаимоотношения Афин и Персии, не известны. Конечно, условия Пелопоннесской войны накладывали свой отпечаток на ход переговоров и на характер соглашения, и мы должны

⁴⁸ Андокид. III. 29.

⁴⁹ Blamire A. Epilycus negotiations with Persia. - P. 23.

⁵⁰ Bederman D.J. International Law in Antiquity. Cambridge, 2001. - P. 157.

ожидать компромиссного договора, который был намного более актуален, нежели дословное воспроизведение условий Каллиева мира, сформулированных в период могущества Афинской державы.

Действительно, анализ античной традиции позволяет определить те условия договора, по которым был достигнут компромисс, причем они во многом уточняют ряд статей прежнего соглашения. Это, прежде всего, касается пунктов, ограничивающих действия персов в Малой Азии и Эгеиде.

В источниках можно обнаружить недвусмысленные указания на расширение персидского контроля над греческими городами Ионии и Эолиды. Еще А.Дж. Холлэдэй отмечал, что, поскольку мирный договор заявлял в самых общих выражениях вечную дружбу, то совершенно неуместно было предъявлять ограничения персидскому царю⁵¹. С этим утверждением можно согласиться.

Трудно представить в мирном договоре, который провозглашал «вечную дружбу», дословное воспроизведение основных условий Каллиева мира, в частности, в отношении «сухопутных» и «морских» границ, препятствующих действиям персов в Малой Азии. Возможно, отсутствие условий, которые могли бы защитить греков Малой Азии от вмешательства со стороны Персии, могло дать формальный повод Дарию II возобновить свои претензии на сбор традиционной подати с греческих городов Малой Азии в 413/12 гг.

Исследователи по-разному объясняют отсутствие сведений об Эпиликовом мирном договоре в труде Фукидида. Г. Уэйд-Гери считал это следствием незавершенности его «Истории»⁵². По предположению Э. Эндрюза, Фукидид написал книги, где договор мог бы быть упомянут (по мнению исследователя, это VI и VII книги), вскоре после завершения Сицилийской экспедиции и еще до того, как стала вполне очевидной роль Персии в Пелопоннесской войне⁵³. А. Бламайер считает, что молчание о договоре Эпилика было обусловлено тем, что в I книге была пропущена

⁵¹Holladay A.J. The Detente of Kallias? *Historia*. - 1986. - Bd. 35. - Ht. 4. - P. 506.

⁵²Wade-Gery H.T. *Essays in Greek History*. - P. 210.

⁵³Andrewes A. *Thucydides and the Persians*. *Historia*. 1961. - P. 1.

информация о Каллиевом мире: Фукидид мог рассчитывать в дальнейшем вернуться к рассмотрению договорных отношений между Афинами и Персией, но не успел этого сделать⁵⁴. А.Дж. Холлэдей полагает, что условия Эпиликова договора были в 423 г. до н.э. еще недоступны для всеобщего обозрения (по терминологии автора, «не опубликованы»), что создавало определенную таинственность вокруг них. Наконец, Р. Мойзи высказал мнение, что Фукидид имел личные причины, чтобы не упомянуть как о Каллиевом мире, так и об Эпиликовом мирном договоре. По мнению исследователя, заключение мира с Персией вовсе не считалось почетным делом в афинском обществе V столетия до н.э. Тем более это касается Эпиликова договора, провозгласившего «вечную дружбу» с варваром, и это должно было вызвать особое негодование в Афинах, и послужить одной из причин (как это мы увидим далее) его скорого нарушения афинской стороной. Р. Мойзи отметил родственные отношения Фукидида, сына Олора, с Филаидами, представителем которых был Эпилик⁵⁵.

В равной степени возможны и другие объяснения того, почему Фукидид не называет Эпиликов договор в той части его труда, которую исследователи считают более проработанной. Если не считать того, что Фукидид имел личные причины для пропуска сведений о договоре, то допустимо высказать предположение и иного характера: договор мог быть просто не известен историку. Характерно, что большинство исследователей датируют именно 423 г. до н.э. начало пребывания Фукидида в изгнании, и это, естественно внесло некоторые коррективы в характер источников, ставших отныне доступными историку. Например, он был с этого момента существенно ограничен в доступе к афинским официальным документам (в том числе и к архиву на акрополе), и стал более зависимым от своих информаторов из афинского и спартанского военных лагерей.

⁵⁴Blamire A. Epilycus Negotiations with Persia. - P. 26.

⁵⁵Moysey R.A. Thucydides, Kimon and the Peace of Kallias. АНВ. - 1991. - Vol. 5. - № 3. - P. 34-35.

Итак, подведем некоторые итоги. Эпиликов мирный договор между Афинами и Персией представлял собой определенный этап развития греко-персидских договорных отношений в V столетии до н.э. Вследствие содержащейся в нем новой статьи о мире и дружбе «на вечные времена», он способствовал установлению более тесных, чем было когда-либо ранее, дипломатических отношений между ведущим государством Греции и Персидской державой. Однако этот договор оказался еще менее долговечен, чем Каллиев мир. Не прошло и десятилетия, как договор потерял свою силу.

Одной из главных причин, по которой Эпиликов мирный договор потерял силу, явилась поддержка Афинами одной из сатрапий, которая выступила против Дария II. Данный эпизод побудил Персию начать переговоры со Спартой, что и выльется в дальнейшем в ряд договоров между Персией и греческим полисом.

1.3. Договоры между Спартой и Персией

С началом последнего периода Пелопоннесской войны (413-404 гг. до н.э.) Афины и Персия вновь оказались в состоянии конфронтации. Спарта же, со своей стороны, стала тем греческим государством, которое находилось в самых тесных дипломатических отношениях с Персией (чаще всего, конечно, при посредничестве малоазийских персидских сатрапов), получая от персов не только финансовую и материальную, но частично даже военную помощь для борьбы со своим врагом – Афинской державой.

Весной 412 г. до н.э. Спарта заключает свой первый договор с Персией, так называемый «договор Халкидея». Текст этого договора, по изложению Фукидида звучал следующим образом: «Лакедемоняне и союзники заключили союз с царем и Тиссаферном на нижеследующих условиях. Все земли и города, которыми царь владеет или владели его предки, должны принадлежать царю. Сколько бы денег и других доходов ни поступало до сих

пор к афинянам от этих городов, пусть царь и лакедемоняне с союзниками отныне не допускают афинян получать эти деньги и другие доходы. И пусть царь и лакедемоняне с союзниками сообща ведут войну против афинян. Мира же с афинянами не заключать без взаимного согласия царя, с одной стороны, и лакедемонян с союзниками - с другой. Если кто-либо восстанет против царя, то пусть будет врагом лакедемонян и их союзников. А если кто поднимет восстание против лакедемонян и их союзников, то равным образом да будет врагом царя»⁵⁶.

По мнению Э. Эндрюза, договор был лишь прелиминарным рабочим соглашением, заключенным «на месте» между военачальниками обеих сторон, отвечал главным образом нуждам Тиссаферна, а спартанцы ничего не получили по нему договору⁵⁷. Не согласившись с мнением о прелиминарном характере договора, Э. Леви все же отметил, что в договоре Халкидея дипломатическая лексика еще недостаточно выверена, а кроме того, в нем нет статей, где бы отмечались ратификация договора - принесение клятв, а также его публикация – воздвижениестелы⁵⁸.

Договор начинается провозглашением союза с царем и Тиссаферном лакедемонян и их союзников. Вторым пунктом после провозглашения союза и определения прав персидского царя следует обязательство сторон воевать сообща против афинян и не прекращать войну без взаимного согласия. Этот пункт свидетельствует о том, что договор был направлен против Афин, и был составлен по типу союзных договоров в классической Греции. Между тем, во время переговоров в Милете Тиссаферн добился от Халкидея и принятия условий, заведомо благоприятных персидской стороне, на основании чего Э. Эндрюз и заключил, что договор отвечал в основном нуждам сатрапа. В частности, в текст договора было включено обязательство спартанцев быть врагами тех, кто поднимал восстание против персидского царя. Это условие, формально соответствующее основам межгосударственного общения в

⁵⁶Фукидид. VIII. 18, 1-3.

⁵⁷Andrewes A. Spartan Resurgence. - P. 467.

⁵⁸Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. BCH. - 1983. - T. 107. - № 1 - P. 225.

Греции, имело особое звучание в контексте политической ситуации того периода. Оно, несомненно, имело цель привлечь спартанцев к борьбе, которую все еще вел Тиссаферн против мятежника Аморга в Карии⁵⁹. Ответное персидское заявление о том, чтобы быть врагами поднимавшим восстание против власти лакедемонян и их союзников выглядит, напротив, ничем не подкрепленной декларацией, требуемой нормами составления договоров.

Договор Халкидея содержал условие, имеющее недвусмысленное отношение к положению малоазийских греческих городов, которые были защищены Каллиевым миром с Афинами и к тому времени фактически входили в Афинский морской союз. Это условие о правах персидского царя на территорию Малой Азии: «Все земли и города, которыми царь владеет или владели предки царя, должны принадлежать царю». Исследователи подчеркивают исключительную важность указанной статьи для персидских интересов: не случайно именно она открывает договор. Как считает Э. Леви, признание прав царя было первым пунктом каждого из трех спартано-персидских соглашений, той уступкой царю со стороны спартанцев, без которой едва ли могло состояться заключение договора⁶⁰.

Рассматривая условия договоров Спарты и Персии, не следует забывать, что они, прежде всего, предусматривали установление союзнических отношений с целью координации усилий в войне против Афин. В соглашениях этому уделено значительное внимание. «Договор Халкидея» содержал декларацию о военном сотрудничестве: «И пусть царь и лакедемоняне с союзниками сообща ведут войну против афинян. Не прекращать же войну с афинянами без взаимного согласия царя, с одной стороны, и лакедемонян с союзниками — с другой». Соглашение не упоминает обязательств персов по содержанию морских пелопоннесского флота, в чем должны были быть особенно заинтересованы спартанцы.

⁵⁹Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W.Bradeen. - P. 91.

⁶⁰Levy E. Les trois traites entre Sparte et le Roi. - P. 229.

Фукидид приводит конкретные факты сотрудничества спартанцев и персов в 412 г. до н.э., которые свидетельствуют о принципиальном соблюдении условий «договора Халкидея»⁶¹. Летом 412 г. до н.э. Тиссаферн разрушил остатки афинского укрепления в Теосе и принял участие в сражении спартанцев и афинян при Милете. В этой битве, в которой пелопоннесцы Халкидея и милетяне сражались против 1000 афинских гоплитов, 1500 аргосцев и 1000 союзников, на стороне спартанцев выступали конница Тиссаферна и отряд наемников. В свою очередь, спартанцы внезапным нападением завладели карийским городом Иасосом, пленили Аморга, а затем передали его Тиссаферну, чтобы тот, если пожелает, доставил его к царю.

Разгром Аморга был наиболее заметным эпизодом сотрудничества спартанцев и персов. Участие спартанцев в боевых действиях помогло Тиссаферну успешно выполнить задание персидского царя, заключавшееся в том, чтобы наказать мятежника.

Второй договор. Получивший название «договор Феримена», по мнению некоторых исследователей формально завершал состояние войны между Спартой и Персией, длившееся уже семьдесят лет, со времени греко-персидских войн, то есть, по существу был мирным договором⁶², а Э. Эндрюс отметил, что с этого времени «дружба» Дария II с Афинами, которая никогда не была особенно теплой, перешла к Спарте⁶³. На тот факт, что Спарта и Персия были «технически» в войне до 412 г. до н.э., обратил внимание также С. Хорнблауэр⁶⁴. Правда, с указанным мнением едва ли следует согласиться. Если и был договор, который с формальной стороны дела завершал войну между двумя государствами, то таковым скорее всего являлся предшествующий «договор Халкидея» - первый спартано-персидский союзный договор, заключенный в Милете весной 412 г.

⁶¹Фукидид. VIII. 20, 1.

⁶²Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen. - P. 93.

⁶³Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. - Vol.5. - P. 80.

⁶⁴Hornblower S. The Greek World 479-423 BC.L., 1983. - P. 73.

Первая статья договора, идущая вслед за преамбулой, заявляла права царя на земли и города, бывшие во владении царя Дария или принадлежавшие его предкам, однако в ней дело не ограничилось уже простой констатацией этого факта. Теперь спартанцы, как и афиняне по условиям Каллиева мира, дали гарантии неприкосновенности царских земель и городов. Это обстоятельство еще более приближало договор к нормам составления союзных договоров в классической Греции⁶⁵. Кроме того, спартанцы по новому соглашению обязались не взимать форосс упомянутых городов Малой Азии, тогда как в договоре Халкидея, как известно, они должны были только препятствовать действиям афинян по сбору фороса.

Вышеназванные две статьи договора Феримена полностью отвечали персидским интересам. Они подчеркивали отказ спартанцев от притязаний на наследственные земли и города Малой Азии, принадлежащие персидскому царю, как в деле осуществления политического контроля над этими территориями (что обнаружил договор Халкидея), так и в вопросе о податях. Пунктом о податях персы еще раз подчеркнули свое единоличное право взимать дань с малоазийских эллинских городов и распоряжаться ею по своему усмотрению. Следует заметить, что в 412 г. до н.э. спартанцы еще не прибегали к взиманию фороса с греческих полисов, особенно расположенных в Малой Азии. Первые упоминания о том, что спартанцы по примеру Афин стали взимать регулярный форос, относятся к периоду уже после завершения Пелопоннесской войны⁶⁶. Ранее средства на военные нужды поступали со стороны спартанских союзников и частных лиц благодаря добровольным взносам денег и продовольствия в спартанскую казну; имели место и разовые сборы денег насильственными средствами (как в случае с Родосом в 411 г. до н.э.), но они не были связаны с регулярно взимаемым форосом. Поэтому данная статья договора могла подразумевать,

⁶⁵Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. - Vol.5. - P. 81.

⁶⁶Печатнова Л.Г. Организация спартанской державы (гармоэты и форос). Античное общество и государство. - Л., 1988. - С. 90-106.

что спартанцы, по примеру афинян, в будущем не станут взимать форос с городов Малой Азии⁶⁷.

Во втором соглашении, так же как и в прежнем союзном договоре, предписывалось совместно воевать против афинян и их союзников и заключить мир также сообща. Но на этом прямое сходство заканчивается. Остальные статьи предстают либо в несколько измененном виде, либо же в прежнем договоре вообще отсутствуют. Эти выгодные персам условия были уравновешены статьями, особо важными для спартанцев. По одной из них, царь обещал оплачивать расходы по содержанию всех спартанских войск, находящихся в его стране. Правда, в этой статье договора была сделана оговорка, что эти войска должны находиться в Азии только по просьбе персидского царя. Это уточнение должно было существенно ограничить действия спартанцев, нежелательные Дарию II. Примечательно и то, что в указанном договоре отсутствуют конкретные цифры, определяющие размер оплаты службы моряков пелопоннесского флота. Это можно объяснить тем, что Тиссаферн и Феримен считали действующим договор, заключенный ранее в Милете по размеру оплаты⁶⁸. Однако, с другой стороны, персидский сатрап Тиссаферн, не включив в текст соглашения конкретные цифры из этого договора, фактически оставлял за собой право на пересмотр условий оплаты.

Другие статьи были вполне типичны для союзного договора. Среди них особо выделяется новая статья о взаимном ненападении: стороны не должны воевать друг с другом и обязуются решать все спорные дела по взаимному согласию⁶⁹. К этой же части соглашения относится условие, касающееся взаимоотношения Персии и городов, находящихся в договорных отношениях с персидским царем: «Никакой из этих городов не должен нападать на

⁶⁷Lewis D. M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen. - P. 93.

⁶⁸Thompson W. E. Tissaphernes and the Mercenaries at Miletus. Philologus. - 1965. - Bd. 109. - Ht. 3-4. - P. 294-297.

⁶⁹Lewis D. M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen. - P. 94.

царские земли, а в случае, если это произойдет, другие города должны будут выступить на стороне царя. Подобным образом, если кто-либо из жителей царской земли или подвластной царю земли, нападет на территорию лакедемонян и их союзников, то персидский царь должен воевать на стороне Спарты»⁷⁰.

После заключения договора Феримена взаимоотношения спартанцев и Тиссаферна значительно осложняются. Последующее развитие переговорного процесса поставило эти отношения на грань полного разрыва, что иногда воспринимают как показатель того, что договоры Халкидея и Феримена не были ратифицированы в Спарте⁷¹. Ухудшение отношений с Тиссаферном, однако, не означало каких-либо существенных изменений в позиции спартанцев относительно союза с Персией. На горизонте спартанской политики появляется Фарнабаз, который начинает рассматриваться в Спарте в качестве альтернативы Тиссаферну. Некоторые исследователи справедливо видят причину пересмотра спартанцами своей прежней ориентации на Тиссаферна во внутривосточных изменениях в Спарте: приход к власти новых эфоров, которые заменили Эндия и его коллег - сторонников активной спартанской политики в Ионии⁷². Донос гармоста Хиоса Педарита на наварха Астиоха послужил поводом для направления в Ионию комиссии одиннадцати спартанских советников, которые отправились вместе с эскадрой в 27 кораблей под начальством Антисфена.

Разрыв дипломатических отношений Спарты с Тиссаферном произойдет в начале 411 г. до н.э. после переговоров на Книде, когда персидский сатрап прекратил всякую помощь пелопоннесским войскам и снова обратил свой взор на Афины, но безуспешные переговоры персидского сатрапа с афинянами побудили его отправиться в Кавн и

⁷⁰Фукидид. VIII. 37, 5.

⁷¹Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики) - СПб., 2001. - С. 104.

⁷²Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen. - P.99.

решиться на заключение нового, третьего договора со Спартой, вероятно, на условиях, предложенных Лихасом во время встречи на Книде. С другой стороны, и спартанцы осознавали невозможность продолжения войны без финансовой поддержки Тиссаферна и сильного финикийского флота. Именно эти обстоятельства вынудили представителей Спарты добиваться заключения нового, компромиссного соглашения, которое не только включало в себя элементы прежних договоров, но и содержало бы некоторые дополнительные условия и изменения, высказанные спартанцами в ходе переговоров с Тиссаферном на Книде. Фукидид объясняет мотивы, побудившие сатрапа согласовать новый договор. Так, в частности, по мнению историка, Тиссаферн не желал окончательного разрыва с пелопоннесцами; впредь он предпочитал исправно выплачивать им жалование, поскольку опасался, что в случае сражения с афинянами спартанцы потерпят поражение или экипажи их кораблей дезертируют; больше же всего сатрап опасался, что не получая своевременно содержания, воины спартанцев и их союзников займутся грабежом подвластных ему территорий Азии⁷³.

Третье спартано-персидское соглашение («договор Лихаса») был заключен весной 411 г. до н.э.

В отличие от двух предыдущих, третий договор был документом более частного характера. Он представлял собой соглашение с персидскими сатрапами, касающегося только вопросов совместного ведения войны. Здесь с персидской стороны участником соглашения выступал уже не царь, а только его сатрапы - Тиссаферн, Гиерамен и дети Фарнака сам же договор был заключен «о делах царя и лакедемонян и их союзников».

Договор, как и предыдущие два соглашения, начинается с заявлений прав персидского царя; однако, теперь уже права царя распространяются только на Азию. Это особо оговаривается в тексте документа: «все царские владения, которые находятся в Азии, принадлежат царю и царь может распоряжаться этими владениями так, как он желает». Лакедемоняне

⁷³Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. - Vol.5. - P. 136-137.

обязались не нападать на владения персидского царя и препятствовать подобным действиям со стороны своих союзников. В свою очередь, подобные обещания предоставил Дарий II в отношении территории лакедемонян и их союзников. Двусмысленность в договоре по-прежнему сохраняется. Несмотря на то, что указанная статья договора сводила власть Дария II только к территории Азии, она уже больше не упоминала о правах царя повелевать городами. Конечно, это не означало отказа персидского монарха от притязаний на греческие города Малой Азии; очевидно, что власть над малоазийскими греческими городами, теперь прямо не заявленная в тексте документа, все же подразумевается. По мнению М. Сент-Круа, признание спартанцами прав царя на территорию Азии означало и признание царских прав на малоазийские греческие города.

В заключительной части договора выражались планы в отношении ведения и окончания войны.

Как показывает имеющийся материал, третий спартано-персидский договор, который наметил вполне конкретные пути взаимодействия спартанцев и персов в войне против Афин, не был реализован в полной мере. Большинство условий договора так и не было выполнено. С каждым днем увеличивалось недоверие между спартанцами и Тиссаферном, и уже к осени 411 г. до н.э. они оказались на грани нового разрыва отношений. Прежде всего, сатрап оказался не в состоянии обеспечить финансирование пелопоннесского флота без задержек и в полном объеме. Положение усугубляло и то, что когда Тиссаферн отбыл в Аспенд с целью привести в Эгейское море обещанный финикийский флот, он поручил заботу о выплате жалования Тамосу, который, по словам Фукидида, оказался еще худшим плательщиком денег. Таким образом важная статья спартано-персидского договора, предусматривающая оплату экипажам пелопоннесцев перестала соблюдаться. Все же Фукидид возлагает основную вину за неполные и нерегулярные выплаты жалования гребцам на сатрапа Тиссаферна. В этом он соглашается со своими современниками, в первую

очередь, с сиракузянином Гермократом, который немало потрудился в дискредитации Тиссаферна как в Спарте, так и в Ионии, настраивая против него воинов. Но историк прав лишь отчасти. Персидскому сатрапу частые задержки в выплате жалования были также невыгодны, так как недостаток съестных припасов часто служил поводом для мародерства воинов (поскольку военные действия происходили у побережья Азии).

Еще одним камнем преткновения выступил вопрос о финикийском флоте, который Тиссаферн предполагал задействовать в борьбе с афинянами. Финикийский флот не состоял в прямом подчинении сатрапов, им распоряжался персидский царь лично. Однако забота о доставке и использовании флота на нужды войны была поручена царем Тиссаферну, который, как сообщает Фукидид, стал готовится к тому, чтобы привести этот флот в Эгейское море. Именно с этой целью после согласования договора сатрап отправился в Аспенд. Но, несмотря на все ожидания, финикийская эскадра так и не была введена в бой. Причины неучастия финикийцев в боевых действиях не получают однозначного объяснения как у античных авторов, так и у современных историков. Фукидид не обладал точной информацией на этот счет и предлагает своему читателю несколько возможных объяснений, приведенных им со слов очевидцев, которые предпочитали возложить ответственность на Тиссаферна. Так, по одной из наиболее популярных версий развития событий, Тиссаферн преднамеренно медлил с введением финикийского флота в бой, поскольку настойчиво следовал политике уравнивания сил в Греции, не допуская возникновения решительного перевеса ни у одной из воюющих греческих держав (Афин или Спарты). Того же мнения придерживается сам Фукидид, который отмечает: «По-моему, впрочем, вернее всего, Тиссаферн не привел финикийской эскадры, чтобы затяжками и помехами обессилить эллинов. Его цель была - нанести вред обеим сторонам, отправившись в Аспенд и тратя время там, чтобы привести к бездействию, а вовсе не усиливать одного из противников, вступив с ним в союз. Действительно, Тиссаферн мог бы при

желании окончить войну, если бы он решительно пришел на помощь одной из сторон. Ведь, приведя лакедемонянам финикийскую эскадру, Тиссаферн, конечно, обеспечил бы им победу, так как в тот момент лакедемоняне во всяком случае и не уступали, но по крайней мере были равны по силам афинянам»⁷⁴.

После случая, с уходом финикийского флота из Аспенда отношения спартанцев Тиссаферна снова осложняются. Еще больше этому способствовали действия сатрапа, направленные на сближение с Афинами. Недовольство спартанцев Тиссаферном усиливалось тем, что он, как они считали, умышленно затягивал войну. Летом 411 г. до н.э. произошли волнения экипажей пелопоннесского флота в Милете. Моряки собирались на сходки и бурно выражали свое недовольство существующим положением дел. Они обвиняли своего наварха Астиоха, который едва смог избежать расправы, найдя спасения у алтаря. Но главным нападкам подвергнулся Тиссаферн, которому был брошен упрек в несоблюдении условий соглашения: он выплачивает содержание нерегулярно и не полностью, не доставляет обещанные корабли и тем самым наносит вред их флоту. Постепенно обстановка накаляется. Недовольство Тиссаферном быстро перерастает в ненависть к нему.

Нам доподлинно неизвестно решение спартанцев, касающееся судьбы третьего спартано-персидского договора. Но, по справедливому предположению Д. Льюиса, по причине невыполнения договоренностей Тиссаферном спартанцы впредь могли считать себя свободными от обязательств перед этим сатрапом⁷⁵. В свою очередь, они начинают активно добиваться заключения еще одного договора с Персией, предпочитая обратиться непосредственно к царю и не желая больше прибегать к посредническим услугам сатрапов. Возможно, новые спартанские посольства, отправлявшиеся теперь в Вавилон или Сузы, рассчитывали также

⁷⁴Фукидид. VIII. 46, 3.

⁷⁵Lewis D.M..Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W.Bradeen. - P. 111-112.

добиться от царя и замены Тиссаферна на посту главнокомандующего персидскими войсками в Малой Азии более удобным для себя персидским военачальником.

После разрыва отношений спартанцев с Тиссаферном боевые действия против афинян перемещаются в район Геллеспонта и Пропонтиды, где спартанцы плодотворно взаимодействуют с Фарнабазом и пытаются перекрыть проливы и лишить Афины подвоза боспорского хлеба.

Первый опыт военного сотрудничества спартанцев и Фарнабаза был успешным: Деркилид и Фарнабаз смогли поднять восстание против афинян в Абидосе и Лампсаке.

После ухода пелопоннесского флота из Ионии Тиссаферн предпринимает безуспешные попытки нормализовать отношения со спартанцами, теперь он уже вынужден был самостоятельно защищать сатрапию от нападения афинян. Таким образом, заканчивается очередная глава во взаимоотношениях между Персией и Спартой.

* * *

Подводя итог рассмотрению первого значительного опыта осуществления дипломатических отношений между греками и Персией, нельзя признать его в целом удачным. Несомненно, что как ведущие греческие полисы (Афины и Спарта), с одной стороны, так и царь и его сатрапы – с другой, преследовали свои собственные внешнеполитические интересы, и несмотря на некоторые достигнутые компромиссы, взаимодействие греков и персов нельзя считать полностью плодотворным. Именно в этом, на наш взгляд, состоит причина того, что афино-персидский Эпиликов мирный договор и согласованные впоследствии три анти-афинские спартано-персидских договоры перестали соблюдаться уже вскоре после их непосредственного заключения. Проблема малоазийских греков в этот

период постепенно приобретает свою особую значимость, но она еще не становится узлом острых противоречий. Спартанцы в обмен на персидское сотрудничество в войне с Афинами допустили признание прав персидского царя на греческие города Малой Азии, но это была «предательская сделка» со стороны Спарты. Спартанские власти хорошо осознавали, что полный персидский контроль над малоазийскими греками станет возможным только после завершения Пелопонесской войны (т.е. в некотором более или менее отдаленном будущем), и, таким образом, решение спартанцев определялось выгодами текущего момента.

Именно в период Пелопонесской войны закладываются основные аспекты греко-персидского взаимодействия, которые получают дальнейшее развитие в IV в. до н.э.

Нельзя сказать, правда, что идея эллино-персидского сотрудничества в период.

Пелопонесской войны встретила всеобщее принятие среди греков. Мы упоминали о том, что уже Аристофан призывал к прекращению межполисных распр перед лицом враждебных варваров. Такой же смысл носили призывы оратора и софиста Горгия из Леонтин, который считается в историографии одним из протагонистов идеологии панэллиннизма.

Глава 2. Персия и политические процессы в первой половине IV века до н.э.

2.1. Анталкидов мирный договор

С самого начала IV в. до н.э. Спарта, добившаяся гегемонии в греческом мире после своей победы над Афинами, начинает восприниматься как угроза греческой свободы. Как результат, укрепляются взаимоотношения враждебно настроенных Спарте эллинских государств с Персией. В то же время и новый персидский царь Артаксеркс II (404-359 гг. до н.э.) был первоначально также враждебно настроен к Спарте ввиду спартано-персидской войны, вызванной обострением проблемы малоазийских греков. Договоры Спарты и Персии на заключительном этапе Пелопоннесской войны не привели к долгосрочному сотрудничеству. Очередное событие, обозначившее дальнейшие греко-персидские отношения, станет подписание Анталкидова договора между греческими полисами и Персией.

Анталкидов или Царский мир 387/6 г. до н.э. явился своеобразным итогом развития греко-персидских контактов и оформил соответствующим образом ту политическую роль, которую стала играть Персия в межполисных отношениях балканских греков на протяжении нескольких десятилетий. И хотя этому договору посвящена довольно значительная исследовательская литература, он остается все еще довольно загадочным явлением в греческой истории IV в. до н.э. Это связано, прежде всего, с отсутствием текста самого мирного договора, который, по данным оратора Исократ, уже вскоре после его заключения был начертан на каменных стелах и выставлен для всеобщего обозрения в важнейших эллинских святилищах⁷⁶. Так что все изложение основных условий Анталкидова мира, как правило, сводится только к знаменитому рескрипту царя Артаксеркса II, который передает историк Ксенофонт.

⁷⁶Исократ. IV. 180; XII. 107.

Заклучить Анталкидов мирный договор удалось далеко не сразу. Персия долгое время не принимала условия Спарты, которая была основным инициатором заключения договора, но изменившаяся политическая ситуация вынудила Персию пересмотреть свои взгляды на заключение договора.

В 390 г. до н.э. началась Кипрская война Эвагора Саламинского против царя Артаксеркса II, которая продолжалась десять лет и мобилизовала значительные ресурсы персов⁷⁷. Союзниками Эвагора в этой войне стали афиняне, которые тем самым спровоцировали разрыв отношений с Персией. Немного позднее, в 388 г. до н.э., афиняне заключили союз с Египтом, который сохранял независимость от Персии с конца V в. до н.э. И, наконец, афинский стратег Фрасибул после 389 г. до н.э. развернул военную активность в греческих полисах Малой Азии, видимо, поставив своей целью возрождение афинского морского союза⁷⁸.

Несмотря на то, что после заключения союза афинян с Эвагором еще некоторое время продолжала сохраняться видимость союзнических отношений между Афинами и Персией, существуют свидетельства, что персидский царь изменил свое отношение к афинянам. В одном фрагменте Феопомпа сохранилось сообщение, что в 390 г. до н.э. Артаксеркс передал верховное руководство войной против Эвагора Автофрадату, который назван сатрапом Лидии, и назначил навархом сатрапа Карий Гекатомна.

Принимая во внимание тот факт, что в упоминавшейся уже милетской надписи Струфна назван сатрапом Ионии, некоторые ученые полагают, что после отставки Тирибаза обширная Сардийская сатрапия была поделена на три отдельные сатрапии: Иония, Лидия и Кария⁷⁹. Между тем, представляется уместным предположить, что если раздел сатрапий и имел место, то его следствием было выделение из Сардийской сатрапии только

⁷⁷Tuplin. C.J. Lysias XIX, the Cypriote War and Thrasibulus Naval Expedition. *Philologus*. - 1983. - Bd. 127. - P. 170-176.

⁷⁸Антонов В.В. Анталкидов мир и трансформация внешней политики Афин. Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. - Вып. 9-10. - С. 250-254.

⁷⁹Olmstead A.T. *The History of the Persian Empire*. Chicago, 1948. - P. 390.

Карий подуправлением зависимого от царя династа Гекатомна, тогда как Автофрадат сменил в конце 390-х гг. до н.э. проафински настроенного Струфа, который стал сатрапом Сард в качестве преемника Тирибаза. Только эта замена Струфа Автофрадатом могла отражать адекватную реакцию персидского царя на афинскую военную поддержку мятежа Эвагора. Назначение командующим в Кипрской войне Автофрадата вынуждало его принять враждебную политику к Афинам. С другой стороны, после замены Автофрадата вновь назначенным сатрапом Сард Тирибазом в 388 г. до н.э., последний взял на себя руководство персидскими силами в Кипрской войне. Одновременно Артаксеркс отозвал из Малой Азии Фарнабаза под предлогом вступления в брак с царской дочерью; таким образом, был деликатно устранен сатрап, который мог служить помехой новому сближению Спарты и Персии ввиду того, что он по-прежнему продолжал взаимодействовать с афинянами. В результате этого Фарнабаз был заменен на посту Даскилийского сатрапа Ариобарзаном - гостеприимцем Анталкида.

В такой ситуации дальнейшего обострения афино-персидских взаимоотношений Артаксеркс должен был уже иначе смотреть на перспективы своего союза со Спартой. В 387 г. до н.э. свою основную задачу спартанцы и персы видели в воспрепятствовании укреплению афинского влияния в Восточном Средиземноморье. Средством к этому обе стороны могли считать скорейшее окончание Коринфской войны и заключение мирного договора на принципах автономии для всех городов Греции. Кроме того, персы принимали в расчет и прежнюю готовность спартанцев признать власть персидского царя над малоазийскими греками и намеревались вновь поднять этот вопрос.

В начале 387 г. до н.э. Анталкид и Тирибаз совершили поездку в Сузы. Основной целью переговоров в Сузах было достижение мирного соглашения между Спартой и Персией. Как представляется, эта поездка была вызвана тем фактом, что обе стороны должны были учитывать прежний неудачный опыт достижения соглашения без непосредственного обращения к персидскому

царю. На предстоящих переговорах Анталкид, поддерживаемый сатрапом Сард, рассчитывал изложить Артаксерксу спартанские условия мира и выслушать его мнение по этому вопросу. К сожалению, ход и результаты переговоров в Сузах остаются все еще не до конца выясненными. Ксенофонт сообщает только, что в ходе визита Анталкида и Тирибаза в Сузы персидский царь дал согласие на союз со спартанцами, если афиняне и их союзники не примут мирных условий⁸⁰.

Диодор рассказывает о переговорах в Сузах более подробно. Согласно историку, спартанцы, будучи истощены войной как с греками, так и персами, отправили наварха Анталкида к Артаксерксу добиваться мира. По данным Диодора, после переговоров Артаксеркс изложил условия, на которых он был согласен заключить мир, в своей основе совпадавшие с предложенными Анталкидом: греческие города, находящиеся в Азии, должны принадлежать царю, тогда как всем другим грекам надлежало быть автономными. С не повиновавшимися и не принявшими договор Артаксеркс II обязался воевать. Таким образом, персидский царь продиктовал мир, который должны были принять все греки. Следует заметить, что ни из сообщения Ксенофонта, ни из отрывка Диодора прямо не следует, что спартанцы уже в Сузах заключили мир и союз с персидским царем. Но формально Спарта была единственным греческим государством, находившимся в войне с Персией, и новый мирный договор должен был завершить эту войну⁸¹. У. Вилькен ссылается на другое сообщение Ксенофонта, из которого становится понятно, что уже вскоре после посещения Анталкидом Суз, но еще до заключения официального мира между греками, Артаксеркс II считался союзником спартанцев. На основании этого свидетельства и данных Диодора, ученый полагает, что «симмахия могла объединить только те две державы, между которыми был мир»⁸².

⁸⁰Ксенофонт. V. 1.25.

⁸¹Hamilton C.D. Sparta's Bitter Victories. Politics and Diplomacy in the Corinthian War. N.Y.; Ithaca, 1979. - P. 305.

⁸²Martin. M.H. L'histoire diplomatique dans la tradition litteraire au IV siecle av. J.C. - 1944. - Vol. 1. - № 1. - P. 23.

Наконец, Исократ подтверждает существование договора между Спартой и Персией 387 г., провозглашающего союз «на вечные времена».

Основная причина, побудившая царя в 387 г. до н.э. согласиться на мир с греками, заключалась в его озабоченности развитием войны с Кипром и Египтом. Во-первых, Артаксеркс II преследовал цель лишить Эвагора и Акориса афинской помощи, а во-вторых, развязать себе руки для более активной политики в отношении последних. Именно этот факт побуждал царя особо заявить притязания на Кипр в своем эдикте, переданном Тирибазу в Сузах, и, фактически только после заключения Анталкидова мира Персия начала решительное наступление на Кипр и Египет⁸³. В ходе переговоров в Сузах было достигнуто двустороннее соглашение между спартанцами и персидским царем, заключенное при посредничестве Анталкида и Тирибаза по типу того, который планировался несколько лет назад при первой встрече этих двух деятелей. Именно такое соглашение должно было быть целью спартанской дипломатии, и без достижения такого урегулирования отношений Спарты и Персии переговоры бы теряли свой смысл. Примирение с Персией послужило достаточным основанием для получения спартанцами в скором времени персидской военной помощи, вызвавшей обеспокоенность в Афинах. Несомненно также, что отчасти Анталкид сумел добиться своих целей в ходе своей поездки в Сузы благодаря своему искусству дипломата и личными качествам⁸⁴.

К началу 387 г. до н.э. афиняне и другие участники антиспартанской коалиции оказались в крайне трудном положении. Спартанский флот блокировал Аттику, подверг непосредственной угрозе порт Пирей. Действия флота Анталкида препятствовали подвозу зерна в Афины из Эвксинского понта, создавая напряженную экономическую и социальную обстановку в городе. Не в лучшем положении оказались и афинские союзники, которые еще ранее выражали готовность заключить мир

⁸³ Reid. C.I. Ephoros fragment 76 and Diodoros on the Cypriote War. Phoenix. - 1974. - Vol. 28. - № 1. - P. 138.

⁸⁴ Hamilton C.D. Sparta's Bitter Victories. - P. 307.

(особенно Фивы). В этой ситуации по предложению Анталкида делегаты греческих городов, участвующих в Коринфской войне, собрались в Сардах, где заслушали представленный Тирибазом рескрипт царя, который в конечном итоге лег в основу Анталкидова (Царского) мира. Не исключено, что уже перед дипломатической конференцией в Сардах 387 г. до н.э. в греческих государствах началось бурное публичное обсуждение условий мирного договора, заявленного Артаксерксом через Анталкида. Ксенофонт говорит, что в Сардах послы должны были принести клятвы персидскому царю от имени своих государств в верности условиям мира⁸⁵. Последний факт означает, что содержание царского рескрипта было известно грекам уже загодя, поскольку послы из греческих государств должны были иметь соответствующие полномочия от правящих кругов своих полисов.

С другой стороны, на последующей конференции в Спарте состоялась официальная церемония заключения мира, который объявлял автономию греческих полисов (кроме Клазомен и Кипра), передавал эллинские полисы Малой Азии во власть персидского царя, а самого Артаксеркса II делал гарантом соблюдения условий соглашения. К сожалению, нам неизвестны многие подробности, касающиеся процесса заключения мира, но можно с уверенностью сказать, что предметом основных споров в греческих государствах теперь стала статья, признающая власть персидского царя над малоазийскими греческими городами. Фактически в этот период на роль покровителя азиатских греков стали вновь претендовать Афины, которые за предшествующие несколько лет добились значительного успеха в укреплении своих связей с греческими городами, находящимися в Азии. Именно с признанием такой роли за Афинами могла быть связана просьба к афинянам, которая присутствует в одной надписи из Эрифр времени Анталкидова мира, - «не передавать эрифрейцев варварам». Ответ афинян на эту просьбу не сохранился. Диодор также отмечает, что афиняне и фиванцы нашли тягостным оставить персам азиатские греческие

⁸⁵Ксенофонт. V. 1. 32.

города, но, не имея возможности сражаться и под давлением необходимости, они согласились на мир⁸⁶. Кроме того, позднеантичный ритор Элий Аристид сообщает, что последними на мир согласились афиняне; в противном случае они были бы вынуждены воевать не только с лакедемонянами и пелопоннесцами, но и с персидским царем, с фракийским царем Севтом и даже тираном Дионисием Сиракузским.

Необходимо прежде всего постулировать принципиальные отличия Анталкидова мира от предшествующих ему греко-персидских соглашений. Ксенофонт обозначает его как «мир, который ниспослал царь», «царем ниспосланный мир»⁸⁷.

Собственно же выражение «Царский мир», присутствует в афинской надписи 369/8 г. до н.э., которая содержит текст союзного договора афинян и тирана Дионисия Сиракузского, в которой последнего восхваляют за помощь в согласовании «Царского мира», который заключили «афиняне, лакедемоняне и другие эллины»⁸⁸.

Некоторые исследователи считают, что определения «Царский мир» и «мир при Анталкиде» должны были относиться не только собственно к мирному договору 387/6 г. до н.э., но и ко всем последующим соглашениям, которые были заключены по побуждению персидского царя и возобновляли условия последнего. Однако, приводимые исследователями примеры такого употребления указанных определений не дают однозначного заключения.

Но считали ли греки Анталкидов мир первым договором из ряда соглашений всеобщего мира? Имел ли договор фактическое отношение только к тем греческим государствам, которые принимали участие в Коринфской войне 395-387 гг. до н.э. или же распространялся на всех греков, включая тех, которые не принимали участия в военном конфликте?

Определение «всеобщего мира» по отношению к Анталкидову миру встречается только у Диодора Сицилийского, который говорит о нем как о

⁸⁶Диодор Сицилийский. XIV. 110. 4.

⁸⁷Ксенофонт. V. 1. 36.

⁸⁸Phillipson C. The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. L., 1911. - Vol. 1. - P. 185.

«всеобщем мире» при Анталкиде⁸⁹. В дальнейшем, как рассказывает историк, Артаксеркс неоднократно побуждал греков к заключению всеобщего мира. При этом традиционным в историографии стало стремление воспринимать Анталкидов мир именно как первый «всеобщий мир»⁹⁰. Нередко, однако, среди исследователей встречается мнение, что этот мирный договор в действительности не был всеобщим. По мнению Д. Льюиса, договор завершил «билатеральную» войну между Персией и Спартой⁹¹. Аналогичным образом высказывается Э. Бэдиан, который утверждает: «Мир не был «всеобщим миром», но по существу миром между противоборствующими сторонами в Коринфской войне»⁹². Таким образом, следует говорить по крайней мере о трех аспектах восприятия греками соглашения 387/6 г. до н.э.: он расценивался как «Царский мир», «мир при Анталкиде» и «всеобщий мир».

Появление различных характеристик мирного договора едва ли было случайным. Так, например, когда греки обращали внимание на роль персидского царя в согласовании мирного договора, они соответственно называли его «Царским миром»; однако в том случае, если внимание акцентировалось на роли Анталкида и Спарты, то эллины предпочитали, очевидно, говорить об «Анталкидовом мире». Когда же подчеркивался универсальный характер договора, условия которого распространялись на все греческие полисы, а не только на участников договора, то его называли «всеобщим миром».

Далее, согласно договору 387/6 г. до н.э. сам персидский царь выступал гарантом соблюдения условий мирного договора греками, как это следует из царского рескрипта грекам: «Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами». Вероятно под

⁸⁹ Диодор Сицилийский. XV. 5. 1.

⁹⁰ Rhodes P. J. War and Peace in Ancient and Medieval History. Ed. by Ph. De Souza and J. France. - Cambridge, 2008. - P. 18.

⁹¹ Lewis D.M. Sparta and Persia. - P. 146.

⁹² Badian E. The King's Peace. Geographica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell. - BICS. - 1991. - P. 43.

впечатлением от этого условия и принимая во внимание конкретную ситуацию, сложившуюся в греко-персидских отношениях сразу же после Анталкидова мира, афинский оратор Исократ в своем «Панегирике» называет персидского царя «...стражем мира, распорядителем дел греков, назначающим войну, устраивающим мир и вообще хозяином текущего положения дел»⁹³. Принятие этого царского рескрипта греческими государствами означало признание греками открытого вмешательства персидского царя в дела Эллады и ознаменовало собой новый этап развития греко-персидских отношений⁹⁴.

По мнению одних исследователей, персидский царь был непосредственным участником договора с греками⁹⁵, другие, однако, считают, что это был только договор между самим эллинами, которые связали себя общей клятвой по отношению к Великому царю Персии. В пользу последней точки зрения основные соображения привел Э. Бэдиан. По мнению исследователя, царь не намеревался быть (и фактически не был) участником мира, который греческие воюющие стороны были призваны выработать для самих себя. Далее, Э. Бэдиан продолжает: «... непостижимо, чтобы царь мог присягать миру с греческим городом»⁹⁶. В более ранней своей работе, посвященной Каллиеву миру, исследователь более определенно разъясняет свою позицию. Он, ссылаясь на мнение швейцарского ученого В. Мартэна, замечает, что «нельзя представить царя, присягающего греческому городу на равных условиях»; «он мог ниспосылать эдикт, устанавливавший свои условия»⁹⁷. В конечном итоге, историк считает, что в тех случаях, когда мы встречаем в источниках ссылки на Анталкидов мир как на договор греков с царем, то они отражают скорее представления эллинов о статусе персидского царя по договору, нежели действительное положение дел. Реальный мир, условия которого были написаны на стеле, как замечает Э. Бэдиан, не мог

⁹³Исократ. IV. 121.

⁹⁴Urban R. Der Königsiriden. Historia. - Stuttgart. - 1991. - P. 136-138.

⁹⁵Cawhvell G.L. The King's Peace. CQ. - 1981. - Vol.31. - №1. - P. 77.

⁹⁶Badian E. The King's Peace. - P. 37.

⁹⁷Idem L. The Peace of Callias. - Oxford, 2006. - P. 27.

содержать клятву царя, так как мир заключался отнюдь не между царем и каким-либо греческим государством (или «греками» в целом). Действительно, Ксенофонт говорит о том, что греки принесли клятвы в соответствии с присланными царем условиями мира; сам же договор был «первым миром между лакедемонянами, афинянами и их союзниками за всю войну»⁹⁸. Таким образом, греческий историк не называет царя в качестве участника мирного договора.

Однако хотелось бы заметить следующее. Во-первых, большинство авторов единодушно свидетельствуют, что Анталкидов мир был именно «договором с царем». Во-вторых, в сохранившихся начальных строках афинской псефизмы о союзе с Хиосом 384/3 г. до н.э. упоминается персидский царь как участник договора с греками, поклявшийся быть верным его условиям. Эту надпись от заключения Анталкидова мира, как нетрудно заметить, отделяет чуть более двух лет, и она может быть решающим аргументом в пользу того, что, как считали греки, персидский царь был участником договора.

Установление очередных «дружественных отношений» эллинов с персидским царем в полной мере отвечало логике развития греко-персидских отношений со времени Каллиева мира.

Самое же разительное отличие прежних договоров с Персией от Анталкидова мира заключалось в том, что теперь в договорных отношениях с Великим царем состояло не какое-либо одно греческое государство, но все греки, а не только присягнувшие на верность соглашению (в том числе и названные Аррианом митиленцы и тенедосцы, принадлежавшие к гражданам тех полисов, которые были признаны независимыми по Анталкидову миру).

Условие, согласно которому царю должны принадлежать греческие города Малой Азии, решало в пользу персов проблему малоазийских греков, которая долгое время служила камнем преткновения в отношениях Афин,

⁹⁸Ксенофонт. V. 1.35.

Спарты и Персии. Претензии царя на Кипр и Клазомены также понятны: упоминание в тексте рескрипта, а, следовательно, и в договоре, Кипра должно было в дальнейшем развязать руки Артаксерксу в завершении Кипрской войны и лишить Эвагора помощи афинян.

Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, согласно тексту царского рескрипта, а следовательно - договора, должна была предоставляться автономия. Исключение было сделано для островов Лемноса, Имброса и Скироса, которые признавались афинскими владениями.

Теперь следует задаться вопросом, который часто также поднимают исследователи: определял ли договор Анталкидова мира «блюстителей мира» среди самих греческих полисов? Были ли претензии Спарты на роль защитника мира обусловлены самим договором с греками и царем? На этот счет Ксенофонт заявляет, что лакедемоняне благодаря этому миру получили значительное превосходство, поскольку стали блюстителем присланных царем мирных условий и добывали автономию греческим городам. Некоторые современные историки склонны буквально понимать это заявление Ксенофонта, как то, что договор определял Спарте роль блюстителя мира⁹⁹. Р. Сиджер, однако, замечает: «Царский рескрипт не предназначал Спарте или какому-либо другому городу роль *защитника* мира. Царь сам выступает как единственный гарант мира и как самоназначенный лидер тех, которые желают бороться за его соблюдение. Однако Персия показала готовность и желание позволить Спарте взять на себя *защиту* договора...»¹⁰⁰. И с этим мнением, очевидно, можно согласиться.

После заключения Анталкидова мира Артаксеркс II создал себе условия для завершения Кипрской войны и возобновления борьбы против Египта. Противостояние с греческими полисами не позволяло вести войну на

⁹⁹Wilken U. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens. – 1941. - №15. - P. 17.

¹⁰⁰Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece. Athenaeum. - 1974. - Vol. 52. - № 1. - P. 38.

нескольких фронтах, поэтому, можно утверждать, что от заключения договора, Персия приобрела очень многое.

2.2. Взаимоотношения Персии со Спартой и Афинами после подписания Анталкидова договора

После заключения мира внешнеполитические устремления спартанцев определялись задачами восстановления собственной гегемонии в Греции. Используя персидскую поддержку в своих интересах, спартанцы первым делом приступили к осуществлению далеко идущих планов. Сразу же после согласования мирного договора они добились принятия его требований фиванцами на условиях предоставления автономии городам, означавших роспуск Беотийского союза, расторжения союза между Коринфом и Аргосом. Затем лакедемоняне приступили к наказанию своих союзников, которые оказались неблагонадежными во время прежней Коринфской войны. После 386 г. до н.э. они направили свои репрессии на Мантине, затем на Флиунт, и, наконец, начали так называемую Олифскую войну. Античная историческая традиция сохранила обвинения Спарты в нарушении условий Анталкидова мира. Так, Феопомп, согласно эпитоме Фотия, сообщал о том, «каким образом полис афинян решил соблюдать договор с царем, лакедемоняне же, чрезмерно возгордившиеся, нарушили договор». На этот счет довольно красноречиво высказывается Диодор Сицилийский. Говоря об организации похода спартанцев против Мантинеи в 385 г. до н.э., историк констатирует: «... лакедемоняне решили выступить против Мантинеи, никак не заботясь о заключенном договоре...»¹⁰¹. Из этих сообщений следует, что другие эллины считали, что спартанцы не имели какого-либо особого статуса по условиям договора с царем и воспринимали их как равноправных участников соглашения. Вероятно, именно в таком качестве спартанцев должны были воспринимать Эвагор Саламинский и Глос, сын Тамоса; оба обратились в Спарту с

¹⁰¹ Диодор Сицилийский. XV. 5. 1.

предложением заключить военный союз против Персии в период Кипрской войны. И хотя по каким-то причинам спартанцы отказались заключить союз с Эвагором¹⁰², они согласились установить союзнические отношения с Глосом, сыном Тамоса. Как известно, Глос был назначен одним из персидских военачальников в Кипрской войне, но впоследствии поднял восстание против Великого царя Персии¹⁰³. Мятеж Глоса, вероятно, начался уже после заключения мира с Эвагором, но, очевидно, еще до смерти царя Акориса в Египте; он, таким образом, мог приходиться на 380-е гг. до н.э. Если следовать хронологии Диодора, восстание Глоса нужно датировать 385 г. до н.э.

В свою очередь, Т. Райдер предположил неточность в той хронологии мятежа Глоса и, следовательно, заключения союза со спартанцами, которая присутствует у Диодора¹⁰⁴. По мнению исследователя, вся ситуация, связанная с этим мятежом, подходила больше для заключительного периода Кипрской войны, а не для того времени, когда прошло всего два года после Анталкидова мира. С указанным мнением вполне можно согласиться: хронология Кипрской войны в изложении Диодора не может считаться корректной. Далее, если следовать аргументам Райдера, то спустя два года после Царского мира, спартанцы должны были все еще быть признательны царю за его поддержку их действий в Греции по утверждению своей гегемонии. Наконец, и само замечание Диодора при его рассказе о мятеже Глоса, что спартанцы к тому времени уже вовлекли города в хаос и порабощали их, указывает, что историк говорит о завершающих годах Кипрской войны. Поэтому Т. Райдер относит союз лакедемонян и Глоса к 380/79 г. до н.э. Факт заключения союза с персидским мятежником может несколько озадачить, однако, можно согласиться с характеристикой, данной

¹⁰²Shrimpton G. Persian Strategy against Egypt. - Phoenix. - 1991. - Vol. 45. - № 1. - P. 3.

¹⁰³Razicka S. Glos, son of Tamos, and the End of the Cypriot War. - Historia. - 1999. - P. 23-43.

¹⁰⁴Ryder T. B. Spartan Relations with Persia after the King's Peace: a Strange Story in Diodorus. - 1963. - Vol. 13. - № 1. — P. 106.

ему С. Хорнблауэром, как «курьезный, но весьма вероятный эпизод»¹⁰⁵. Но курьезным он выглядит только на первый взгляд. Диодор считает, что целью спартанцев было восстановить свою популярность в Греции, которая, как они думали, была низкой из-за их сотрудничества с Персией¹⁰⁶. По мнению С. Душанича, Кипрская война и союз Глоса с египетским царем Акорисом дали великолепную возможность для новой ориентации восточной политики Агесилая, которая проводилась им до 380 г. до н.э.¹⁰⁷. Как уже было замечено выше, Агесилай не испытывал особого энтузиазма по поводу заключения Анталкидова мира с Персией, но он пытался приспособиться к новой политике Спарты и в полной мере использовать всевозможные выгоды, которые спартанцы получали вместе с этим договором. Однако это, естественно, не означало, будто бы Агесилай отказался от мысли о возобновлении войны с Персией, надежду на которую могло дать ему заключение союза спартанцев с Глосом, сыном Тамоса.

Согласившись на заключение Анталкидова мира, афиняне, во-первых, отстаивали свою независимость, избежав повторения событий конца Пелопоннесской войны, когда Спарта в союзе с Персией добилась их капитуляции на унижительных условиях; во-вторых, афиняне сумели сохранить также добытые во время Коринфской войны позиции. Надо сказать, что афинские политики несомненно также извлекли определенные уроки из прошлого, в полной мере осознав в сложившейся ситуации роль Персии в греческих делах¹⁰⁸.

Понимание значения персидского фактора в межполисных отношениях в Греции способствовало принятию Афинами более осторожной и предусмотрительной, чем когда-либо прежде, политики в отношении Персии. В этом отчасти может заключаться причина того, что, по словам А. Олмстэда, Афины скрупулезно придерживались буквы Царского мира, даже

¹⁰⁵Hornblower S. The Greek World. -L., 1983. - P. 203.

¹⁰⁶Диодор Сицилийский. XV. 9. 5.

¹⁰⁷Dushman S. The Attic-Chian Alliance. ZPE - 2000. - P. 28- 30.

¹⁰⁸Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. - М., 1994. - С. 157-165.

когда нарушали его дух¹⁰⁹. В аналогичном духе высказывался и Ф. Хардинг: «Свидетельства показывают, что афиняне не были глупы. Со времени Великого Царского мира и далее в течение трех десятилетий существуют многочисленные документированные доказательства, что афиняне заботились о том, чтобы не причинять неприятностей Великому царю»¹¹⁰. С. Душанич констатирует: «Большинство афинян должны были выбрать мудрую политику»¹¹¹.

В конце 380-х гг. до н.э. афиняне уверенно взяли курс на возрождение своего морского союза, очевидно ожидая, что Персия не будет препятствовать этому, примером чему является серия договоров афинян с материковыми и островными полисами на рубеже 380-370-х гг. до н.э.¹¹² Особенно примечательны в этом отношении уже упомянутые выше ссылки на условия Царского мира в афинской псефизме о союзе с Хиосом 384/3 г. до н.э.

«Псефизма Аристотеля» 378/7 г. до н.э., которая провозглашала создание Второго афинского морского союза и устанавливала некоторые принципы его организации, содержала несколько ссылок на условия Анталкидова мира. В документе, в частности, заявлено: «...Если кто-нибудь из эллинов или варваров, живущих на материке или на островах, из тех, кто не находится под властью царя, пожелает быть союзником афинян и их союзников, пусть будет это ему позволено; пусть останется он свободным и автономным, имея государственный строй, какой желает, не принимая к себе ни гарнизона, ни правителя над собой, не платя φόρου, а на тех же самых условиях, что хиосцы, фиванцы и другие союзники»¹¹³. Рассмотрение документа позволяет сделать вывод о попытке афинян примирить создание союза городов с условиями Анталкидова мира. Этой цели, во-первых, служит исключение *a priori* из числа афинских союзников городов Малой Азии,

¹⁰⁹Olmstead A.T. The History of the Persian Empire. - Chicago, 1948. - P. 404.

¹¹⁰Harding P.H. Athenian Defensive Strategy in the Fourth Century. Phoenix. - 1988. - Vol. 42. - № 1. - P. 67.

¹¹¹Dusanic S. The Attic-Chian Alliance. - P. 24.

¹¹²Badian E. The Ghost of Empire. Stuttgart, 1995. - P. 86-90.

¹¹³Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. I-II/III. Berlin, 1913-1924. - P. 43.

которые пребывали под персидской властью после 386 г. до н.э., а, во-вторых, объявление, что союзнические отношения строятся на принципах соблюдения Анталкидова мира. Союз носил открыто выраженный анτισпартанский характер, но он, очевидно, не встретил особого противодействия со стороны персидской администрации¹¹⁴.

В 380 г. до н.э. египетский царь Акорис продолжал готовиться к отражению очередного персидского вторжения в Египет. Он сформировал войско, состоявшее из эллинских наемников, и пригласил в качестве военачальника афинянина Хабрия, к тому времени уже известного стратега периода Коринфской войны. Последний до своего прибытия в Египет воевал

на Кипре на стороне Эвагора против персов, как представитель афинского государства. В то же время, решение отправиться в Египет Хабрий принял уже «без ведома афинского демоса», как то предполагает сообщение Диодора¹¹⁵. Такое изменение в официальной позиции афинян объяснимо учетом того, что Хабрий отправился на Кипр еще во время Коринфской войны в соответствии с условиями союза афинян с Эвагором, в Египет же - после Анталкидова мира 387/6 г. до н.э.

Между тем, после первой неудачи персов главнокомандующим персидской армией, готовящейся ко вторжению в Египет, опять был назначен Фарнабаз, который, принимая в расчет прежние свои связи с Афинами, добился отзыва Хабрия и назначения Ификрата предводителем греческих наемников персидского войска (для выплаты жалования греческим наемникам, Фарнабаз специально отчеканил серебряные монеты с собственным изображением). Диодор сообщает о действиях Фарнабаза: «Он направил послов к афинянам, обвинив Хабрия за то, что тот, находясь во главе египтян, способствует отчуждению в отношениях царя и афинского народа, призывал он дать ему стратегом Ификрата. Афиняне, заботясь о том,

¹¹⁴Маринович Л.П. Второй Афинский морской союз. Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Часть 2. Хрестоматия. - Казань, 2002. - С. 82-113.

¹¹⁵Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. - М., 1975. - С. 102.

чтобы добиться благорасположения к ним царя и склонить на свою сторону Фарнабаза, быстро возвратили Хабрия из Египта и направили Ификрата стратегом по союзу с персами»¹¹⁶. В самих Афинах, несомненно, в направлении Ификрата в персидский лагерь в г. Аку, где собирались войска, увидели долгожданный повод, чтобы попытаться нейтрализовать, или, даже в лучшем случае, привлечь на свою сторону Персию в канун нового обострения отношений со Спартой¹¹⁷. Эта политика в конечном итоге принесла свои плоды, и персы на некоторое время оказались в стороне от греческих дел.

Наконец, необходимо задаться вопросом: каким годом все же следует датировать официальное прекращение действия Анталкидова мира? Разумеется, нет нужды считать, что этот договор создал систему, отличающуюся особой стабильностью и просуществовавшей вплоть до основания Коринфского союза македонским царем Филиппом II в 338/7 г. до н.э. Царский мир прекратил свое существование гораздо раньше, о чем существует вполне недвусмысленное указание Диодора Сицилийского. После сообщения о нападении спартанского отряда во главе с гармостом Сфодрием на афинский порт Пирей в 378/7 г. до н.э., историк замечает: «Афиняне... постановили признать лакедемонян виновными в нарушении договора, осудив их за начало войны с ними...»¹¹⁸. Таким образом, сообщение Диодора позволяет прийти к заключению, что афиняне фактически денонсировали мирный договор¹¹⁹. Таким же образом и предложение Артаксеркса II грекам несколько лет спустя, в 375/4 г. до н.э., заключить новое соглашение на условиях прежнего Анталкидова мира, вполне определенно предполагает, что и персидский царь стал тоже считать этот договор уже утратившим силу на тот момент.

¹¹⁶Диодор Сицилийский. XV. 29. 3-4.

¹¹⁷Маринович Л.П. Греческое наемничество. - С. 104.

¹¹⁸Диодор Сицилийский. XV. 29. 7.

¹¹⁹Sinclair R.K. The King's Peace. Chiron. 1978. - P. 52-53.

* * *

Итак, подведем некоторые итоги. Так, прежде всего, Анталкидов мир был заключен греками в определенной политической ситуации в период Коринфской войны. Во многом договор носил компромиссный характер. Он устраивал как Персию, которая добилась важных уступок от участников договора - и главную - юридическое оформление права на осуществление контроля над малоазийскими греками. В свою очередь, спартанцы добились благоприятного для себя условия договора, которое давало грекам надежду на создание межполисной системы, построенной на принципах «независимости и свободы», которые были прямо заявлены в тексте договора. Но, компромиссный характер Анталкидова мира, не принес какой бы то ни было стабилизации в политической ситуации в Восточном Средиземноморье. Он явился тем катализатором, который породит новые столкновения между Персией, Афинами и Спартой, но, с той лишь разницей, что на политической арене появится еще один серьезный участник греко-персидских взаимоотношений - Македония.

Заключение

Рассмотрение эволюции греко-персидских отношений позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, как это вполне очевидно, процесс дипломатического сближения греческого мира и Персии был фактически неизбежен. Это было обусловлено самим фактом двухвекового естественного соседства греков и Ахеменидской державы. Как греки, так и персидский царь, и сатрапы, безусловно, проявляли взаимный интерес к какому-либо рода контактам.

Каллиев мир, подписанный в 449 г. до н.э., завершил один период взаимоотношений Персии с греческими полисами и начал другой, который выражался через «участие» Персии в Пелопоннесской войне. Пелопоннесская война способствовала дальнейшему укреплению греко-персидских отношений, которые проявились в том, что Персия перестает быть индифферентной по отношению к политической жизни в Балканской Греции. Именно этот конфликт, принявший невиданный прежде в греческой истории размах, вынуждала греков, и прежде всего афинян и спартанцев, обратиться к помощи и ресурсам Персии. В своей политике в этот период Афины и Спарта представляли два крупных военно-политических образования (Афинский морской союз и Пелопоннесский союз соответственно). Поэтому договоры, заключенные этими государствами, имели более весомое политическое значение, чем, например, те, которые заключал с персами какой-либо отдельный греческий полис (в частности, Аргос, проводивший самостоятельную политику к Персии и связанный традиционной дружбой с персидским царем). Важным шагом на пути к укреплению греко-персидских отношений был Эпиликов мирный договор

между Афинами и Персией в конце 420-х гг. до н.э. Этот договор, установивший «вечную дружбу» афинян с персидским царем, показал, что афиняне впервые со времени Греко-персидских войн выбрали политику сотрудничества со своим прежним врагом - Персидской державой. Эпиликовмирный договор не имел продолжительного действия, поскольку не устранял противоречий, существовавших между Афинами и Персией, почему его последствия не смогли реализоваться в полной мере. Но он наметил основные подходы к сближению эллинов и персов и послужил примером для противников Афин и, прежде всего, для Спарты. Именно Спарта на заключительном этапе Пелопоннесской войны развернула активную деятельность по установлению договорных отношений с Персией и последовательно заключила в 412-411 гг. до н.э. несколько соглашений с персидским царем и сатрапами (договоры Халкидея, Феримена и Лихаса). Внутреннее содержание договоров Спарты и Персии показывает, что спартанцы в поисках персидской военной и финансовой помощи готовы были пойти навстречу ряду персидских требований и выступить гарантом соблюдения интересов Персии в Малой Азии и Эгеиде. Наблюдается тенденция к возникновению среди государств Греции, несущих значительные расходы в войне, зависимости от персидского золота.

После денонсации Эпиликова мирного договора и поддержки афинянами мятежа Аморга в Малой Азии персидский царь Дарий II отдавал неизменное предпочтение спартанцам. Однако спартано-персидское сотрудничество в период Пелопоннесской войны осложнялось тем, что условия соглашений не соблюдались в полной мере обеими сторонами. Персидский царь и сатрапы нерегулярно и не полностью платили предусмотренное условиями соглашений жалование пелопоннесским войскам в Малой Азии. Надежды спартанцев на военную помощь в борьбе с афинянами также не оправдались. Крупный финикийский флот, обещанный спартанцам по условиям третьего договора, так и не появился в Эгейском море. Все эти обстоятельства способствовали тому, что Спарта

предпринимала усилия для заключения нового договора с персами, взамен утративших силу прежних. Результатом усилий спартанской дипломатии был договор Беотия, который действовал до конца войны.

Поражение Афин в Пелопоннесской войне в 404 г. до н.э. завершает определенный этап борьбы за гегемонию в Греции. Спарта, взяв на себя роль гегемона греческого мира, вступила в непосредственный конфликт со своим бывшим союзником Персией, вылившийся в шестилетнюю спартано-персидскую войну. В начальный период войны особое значение получает проблема малоазийских греков. В разные периоды развития греко-персидских отношений интересы малоазийского эллинизма были противоречивы: лавирование между Афинами и Спартой, обращение к помощи персов в борьбе с гегемонией одной из ведущих держав греческого мира, проведение политики, направленной на обеспечение собственной независимости.

Именно спартано-персидская война начала IV в. до н.э. послужила предпосылкой всех последующих событий, приведших к заключению Анталкидова мира. Она привела, в частности, к активизации персидской дипломатии в направлении Греции. Поездка Тимократа Родосского с золотом в Грецию, предшествующая Коринфской войне, свидетельствует об укреплении влияния Персии на внутривосточную жизнь греческих полисов (не только Афин, но и Фив, Аргоса и Коринфа). Персидское золото, привезенное Тимократом, явилось одним из факторов, придавших решимости противникам спартанской гегемонии взяться за оружие и открыто выступить против Спарты.

Дипломатические переговоры периода Коринфской войны 394-386 гг. до н.э. показывают, что греки под давлением обстоятельств начинают воспринимать Персию в качестве посредника в урегулировании межполисных конфликтов. В этот период двусторонние переговоры, характерные для греческой дипломатии по отношению к Персии в V в. до н.э., начинают перерастать в конференции враждующих государств,

проходившие при участии персидской стороны или непосредственно инициированные персами. В этих переговорах принимали участие как спартанцы, так и противники Спарты по Коринфской коалиции - Афины, Фивы, Аргос и Коринф. По условиям Анталкидова мира, греки вынуждены были доверить персидскому царю право выступать в качестве гаранта соблюдения мирного договора. Анталкидов мир был важным дипломатическим успехом Персии в отношениях с греками.

После заключения Анталкидова мира персы стремятся оказывать влияние на политическую жизнь греков. В этой ситуации, эллины, нуждаясь в финансовых и военных ресурсах Персии, сознательно допускают участие царя и сатрапов в межполисных конфликтах последней IV в. до н.э. - либо как союзниково-договорного из греческих государств (афинян, спартанцев или фиванцев), либо же в роли третьей стороны в делах греков (роль царя в возобновлении условий Анталкидова мира).

В то же время, не следует думать, что греко-персидские дипломатические отношения в тот период представляли собой полную идиллию. Такими могли быть связи с персами разве что только тех полисов, которые славились своим традиционным персофильством, восходящим еще к периоду Греко-персидских войн; но они поддерживали контакты с персами весьма эпизодически (об отношениях аргосцев и фиванцев с персами известно не так много, но даже сохранившиеся сведения показывают, что эти отношения были также подвержены изменениям). В случае же с Афинами и Спартой дело обстояло несколько иначе. Прежде всего, обращает на себя внимание, что политика двух ведущих греческих полисов в адрес Персии продолжала отличаться определенной непоследовательностью, и за дипломатическим сближением следовали осложнения в отношениях. Отчасти они были связаны со вмешательством греков во внутренние дела Персидской державы, и это вмешательство равным образом было традиционно присуще как Афинам (свидетельством чему является в прошлом открытая поддержка Ионийского восстания, мятежей Инара и Амиртея в Египте, выступлений

Зопира, сына Мегабиза и Аморга, сына Писсуфна, войны ЭвагораСаламинского и др.), так и Спарте (военная поддержка выступления Кира Младшего и Великого восстания сатрапов).

Основная же причина этой непоследовательности афинян и спартанцев, как представляется, была идеологического свойства: эхо Греко-персидских войн, способствовавших росту панэллинской сплоченности и возникновению эллино-варварской поляризации в общественном сознании греков, периодически давало о себе знать при обсуждении и принятии решений в отношении политики к Персии, и влияло на позицию как основной массы граждан, так и ведущих политических деятелей в Афинах и Спарте по «персидскому вопросу». В то же время, даже сами явления греко-персидского сотрудничества несомненно должны были вызывать протесты представителей греческой интеллектуальной и политической элиты и во многом способствовать зарождению в конце V - середине IV в. до н.э. идеологической доктрины панэллинизма-идеи, согласно которой греки должны примириться и выступить единым фронтом «в походе возмездия» против раздираемой мятежами Персидской державы.

Между тем, персидские цари и сатрапы, в свою очередь, реагировали на частые изменения в политике греков в отношении Персии проведением соответствующего внешнеполитического курса, направленного на то, чтобы, как считали уже современники, уравновешивать греков и истощать их во время их межполисных конфликтов, попеременно поддерживая то одну, то другую противоборствующую сторону. Конечно, после заключения Каллиева мира 449/8 г. до н.э. на повестке дня в персидской внешней политике уже не стоял вопрос о политическом подчинении греческого мира; тем не менее, персы в отношениях с греками стремятся отстаивать свои интересы, которые сводились как минимум к возвращению под власть Ахеменидов греческих полисов Малой Азии, из-за чего проблема малоазийских греков, которая стала одной из ключевых в греко-персидских отношениях с момента крушения Лидийского царства, особенно обостряется в конце V — начале IV

вв. и находит свое дипломатическое разрешение в условиях Анталкидова мира.

В заключение, следует отметить, что роль Персии в политической жизни Греции не оставалась неизменной и проделала определенную эволюцию. Всего, можно выделить три больших этапа эволюции «персидского фактора» в жизни греческих полисов. Нами был рассмотрен второй период, который длился с середины V века по середину IV века до н.э. В данный период Персия стремилась выступать в качестве «третьей силы» в межполисных конфликтах, попеременно оказывая поддержку одной из противоборствующих сторон.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1. Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. I-II/III. Berlin, 1913-1924.
2. Андокид. Речи или история святотатцев. Перевод и комментарии Э.Д. Фролова. - СПб.: Алетейя, 1996.
3. Геродот. В 9 кн. История. Перевод Г.А. Стратаповского. - 2-е изд. - М, 1993.
4. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Перевод И. Алексеева. - Т. 1-6. - М., 1993.
5. Исократ. Речи. Письма. Перевод под ред. К.М. Колобовой. ВДИ.- 1965. - № 3-4.
6. Ксенофонт. Анабасис. Пер. М.И. Максимовой. - М.: Ладомир, 1994.
7. Ксенофонт. Греческая история. Пер. С.Я. Лурье. - 2-изд. - СПб.:Алетейя, 1993.
8. Ксенофонт. Киропедия. Пер. В.Г. Боруховича и Э.Д. Фролова. -М.: Наука, Ладомир, 1993.
9. Фукидид. История. Пер. Г.А. Стратановского. - 2-е изд. - М:Наука, 1993.

II. Исследования

10. Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса. Ю.В.Андреев. Античная Греция. Проблемы развития полиса. - М., 1983. - Т. 1. - С. 194-216.
11. Антонов В.В. Полисы Эгейды, Северное Причерноморье и возрождение Афинской морской державы в IV в. до н.э. В.В.Антонов. Проблемы антиковедения и медиевистики. - Н.Новгород, 2006. - Вып. 2. - С. 35-51.
12. Антонов В.В. Анталкидов мир и трансформация внешней политики Афин. В.В. Антонов. Из истории античного общества. - Н. Новгород, 2007. - Вып. 9-10. - С. 246-263.

13. Баклер Дж. Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457-359 гг. до н.э.). Дж. Баклер. Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. - Казань, 2000. - С. 75-94.
14. Блаватский В.Д. Античная археология и история. В.Д. Блаватский.-М., 1985.
15. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. В.П. Бузескул. -СПб, 1915.
16. Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М.А. Дандамаев. - М., 1963.
17. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы М.А.Дандамаев.-М., 1985.-319 с.
18. Дьяков В.Н. Греция в первой половине IV в. до н.э. В.Н. Дьяков. Древняя Греция. Под ред. В.В. Струве и Д.П. Каллистова. - М., 1956.
19. Зельин К.К. Из области греческой историографии IV в. до н.э. К.К. Зельин. ВДИ. - 1960. - № 1. - С. 84-108.
20. Исаева В.И. Греция в IV в. до н.э. История Европы.- М., 1988.-Т. 1.- С. 311-347.
21. Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. -М., 1994.
22. Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античныхмежгосударственныхотношений (VII -V вв. до н.э.). - СПб., 2001.- 432 с.
23. Ленцман Я.А. Пелопоннесская война. Древняя Греция.-М., 1956.
24. Лурье С.Я. Ксенофонт и его «Греческая история». Ксенофонт. Греческая история. - Л., 1935.
25. Маринович Л.П. Греческие наемники в конце V - начале IV в. до н.э. ВДИ. - 1958. - № 4. - С. 70-87.
26. Маринович Л.П. Наемники в период Пелопоннесской войны. ВДИ. - 1968. - № 4. - С. 70-90.
27. Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. - М., 1975.

28. Маринович Л.П. Второй Афинский морской союз. Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. - Часть 2. Хрестоматия. - Казань. 2002, - С. 82-113.
29. Мойзи Р.А. Греко-персидские отношения в 367-360 гг. до н.э. Международные отношения и дипломатия в античном мире. - Казань, 2000. - С. 136-158.
30. Печатнова Л.Г. Спарта и Персия в конце V в. до н.э. Проблемы античной государственности. - Л., 1982. - С. 85-108.
31. Печатнова Л.Г. Лисандр и Пелопоннесская война. Государство, политика и идеология в античном мире. - Л., 1990. - С. 60-77.
32. Печатнова Л.Г. Спарта и Персия: История отношений (середина VI - 413 г. до н.э.). Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. - СПб., 2003. - С. 73-97.
33. Поздеева В.И. Внешняя политика Афин в 394-386 гг. до н.э. ВДИ. - 1959. - № 1. - С. 95-109.
34. Рунг Э.В. Спарта и проблема малоазийских греков. Античный вестник. - Омск, 1995. - Вып. 3. - С. 114-120.
35. Рунг Э.В. Агесилай в Малой Азии (396-394 гг. до н.э.). Материалы круглого стола «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения», 17 февраля 1997 г. - Казань, 1997. - С. 63-75.
36. Рунг Э.В. Персидская дипломатия в начале IV в. до н.э.: миссия Тимократа Родосского в Грецию. Античность: миры и образы. Сборник статей. - Казань, 1997. - С. 8-15.
37. Рунг Э.В. Античные историки о происхождении и родственных связях Тиссаферна. Античность: события и исследователи. Межвузовский сборник. - Казань, 1999. - С. 60-67.
38. Рунг Э.В. Эпиликов мирный договор. ВДИ. - 2000. - № 3. - С. 85-96.
39. Рунг Э.В. Договор Беотия. Международные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс.- Ч. 1.-Казань, 2000. - С. 113-135.

40. Рунг Э.В. Дипломатические отношения греков и Персии в 370- 343 гг. до н.э. Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. - Ч. 2. Хрестоматия. - Казань, 2002. - С.114-140.
41. Рунг Э.В.«Неофициальная дипломатия» во внешней политике Персии по отношению к грекам. Историки в поиске новых смыслов. Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина 7-9 октября 2003. - Казань, 2003.- С. 217-225.
42. Рунг Э.В. Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских в V - IV вв. до н.э. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ред. проф. Э.Д. Фролова. - СПб., 2004. - Вып. 3. - С. 71-82.
43. Рунг Э.В. Афины и мятеж Аморга. ШН. - 2005. - Вып. 5. - С. 23-36.
44. Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции. ВДИ. - 2005. - № 3. - С. 14-35.
45. Рунг Э.В. Неофициальная дипломатия Персии и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях. АМА. - 2006. - № 12. - С. 66-77.
46. Рунг Э.В. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V-IV вв. до н.э. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ред. проф. Э.Д. Фролова. - СПб., 2006. - Вып. 5. - С. 27-66.
47. Рунг Э.В. Мегабиз, Зопир и Афины: Из истории греко-персидских отношений в период пентеконтаэтии. Из истории античного общества. - Н. Новгород, 2007. - Вып. 9-10. - С. 217-229.
48. Сергеев В.С. Дипломатия в древние века. История дипломатии. Под ред. В.П. Потемкина. - М., 1941. - Т. 1. - С. 15-88.
49. Стратановский Г.А. Фукидид и его «История». Фукидид. История. - 2-е изд. - М.: Ладомир, 1993. - С. 405-438.

50. Строецкий В.М. Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания. Перевод и историко-критический комментарий. Из истории античного общества. - Горький, 1979. - С. 3-28.
51. Строецкий В.М. Диодор Сицилийский и его Историческая библиотека в оценке историографии. ВДИ. - 1983.-№4.-С. 176-186.
52. Строецкий В. М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза. ВДИ.-1991.-№2.-С. 158-168.
53. Строецкий В.М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478 - 431 гг.). - СПб., 2008.
54. Суриков И.Е. Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи. Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. - Казань, 2000. - С. 95-112.
55. Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. - М., 2005.
56. Andrewes A. Thucydides and the Persians.Historia. -1961.-Bd. Ю.-Ht. 1 . - P .1-18.
57. Badian E. The King's Peace.Georgica. Greek Studies in Honor of G.Cawkwell. - BICS. - 1991. - Suppl. 58. - P. 25-48.
58. Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. - Baltimore; L., 1993.
59. Blamire A. Epilycus' negotiations with Persia.Phoenix. - 1975. - Vol. 29. - №1. - P. 21-26.
60. Cary M. The Peace of Callias/ CQ. - 1945. - Vol. 39. - №3/4.-P. 87-91.
61. Cawkwell G.L. The King's Peace.CQ. - 1981. - Vol.31.-№1.-P. 69-83.
62. Cawkwell G.L. The Peace between Athens and Persia. Phoenix. - 1997. - Vol. 51. - № 2. - P. 115-125.
63. Descat R. Colophon et la paxd'Epilykos. ErolAtalay Memorial.Ed. by H. Malay. - Izmir, 1990. - P. 33-40.

64. Eddy S.K. The Cold War between Athens and Persia 448-412 BC. *CPh.* - 1973. - Vol. 68. - № 3. - P. 241-258.
65. Gomme A.W. Athenian Notes. *AJPh.* - 1944. - Vol. 65.-№4. - P. 321-339.
66. Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthian War. Hamilton. - N.Y., Ithaca, 1979.
67. Hegyi D. Athen und die Achameniden in der zweiten Hälfte des 5 Jahrhunderts. *Oikumene.* - 1983. - Bd. 4. - P. 53-59.
68. Holladay A.J. The detente of Callias? *Historia.* - 1986. - Bd. 35. - Ht. 4. - P. 503-507.
69. Hornblower S. The Greek World, 479-423 BC. - L., 1983.
70. Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. *BCH.* - 1983. - T. 107.-№ 1.-P. 221-242.
71. Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen. Cincinnati Classical Studies. №1. - Leiden, 1977.
72. Martin V. L'histoire diplomatique dans la tradition littéraire au IV siècle av J.C. *J.C. MH.* - 1944. - Vol. 1. - № 1. - P. 13-30.
73. Meiggs R. The Athenian Empire. - Oxford, 1972.
74. Moysey R. A. Thucydides, Kimon and the Peace of Kallias. *AHB.* - 1991. - Vol. 5. - № 3. - P. 30-35.
75. Murison C.L. The Peace of Callias Its Historical Context. *Phoenix.* - 1971. - Vol. 25. - № 1. - P. 12-30.
76. Olmstead A.T. The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). - Chicago, 1948.
77. Reid C.I. Ephoros fragment 76 and Diodoros on the Cypriote War. *Phoenix.* - 1974. - Vol. 28.-№ 1. - P. 123-143.
78. Rhodes P.J. The Athenian Empire. - L., 1985.
79. Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece 386-362 B.C. *Athenaeum.* - 1974. - Vol. 52. - № 1. - P. 36-63.

80. Sealey R. The Peace of Kallias once more. *Historia*. - 1954-1955. - Bd. 3. - Ht. 3. - P. 325-333.
81. Thompson W.E. Tissaphernes and the Mercenaries at Miletus. W.E. Thompson. *Philologus*. - 1965. - Bd. 109. - Ht. 3-4. - P. 294-297.
82. Thompson W.E. The Peace of Callias in the Fourth Century B.C. *Historia*. - 1981. - Bd. 30. - Ht. 2. - P. 164-177.
83. Tuplin C.J. Lysias XIX, the Cypriote War and Thrasibulus' Naval Expedition. *Philologus*. - 1983. - Bd. 127. - P. 170-186.
84. Urban R. Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr. Vorgeschichte, Zustandkommen, Ergebnis und politische Umsetzung. - *Historia*. - Einzelschriften. - Ht. 68. - Stuttgart, 1991.
85. Wade-Gery H.T. *Essays in Greek History*. - Oxford, 1958.
86. Walker EM. The Peace of Callias. *CAH*. - 1935. - Vol. 5.-P. 469-471.